115 01/11
Б.Ф.

115 01/11

Бф 1

115 01/11

Проповѣдническіе подвиги апостоловъ славянъ святыхъ Кирилла и Меѳодія

Изданіе купца Григорія Ширяева

С. Петербургъ

1866

115 01/11

Свѧтые равноапостольные Кѵрилль и Меѳодій просвѣтители Славѧнъ.

ГРАВ. А. СЕРЯКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ А. ТРАММЕЛЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

СВЯТЫЕ

РАВНОАПОСТОЛЬНЫЕ

КУРІЛЛЪ и МЕѲОДІЙ,

ПРОСВѢТИТЕЛИ СЛАВЯНЪ,

И ВЛІЯНІЕ ИХЪ ПОДВИГОВЪ НА НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ, КАКЪ ВСЕГО СЛАВЯНСКАГО МІРА ВООБЩЕ, ТАКЪ И РОССІИ ВЪ ЧАСТНОСТИ.

Соч. А. С. Князева.

Изображенія гравированы Л. Серяковымъ по рисункамъ Ѳ. Бронникова.

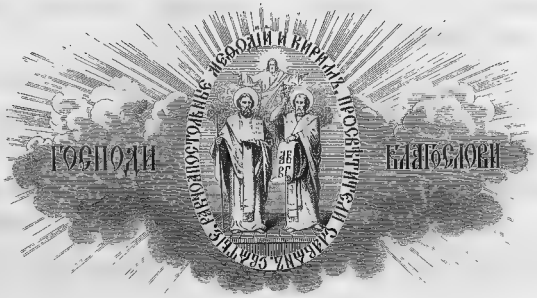
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи А. Траншеля, на углу Невскаго и Владимірскаго проспектовъ, домъ № 45—1.
1866.

От С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется.

С.-Петербургъ, 1866 года, Марта 14 дня.

Цензоръ Архимандритъ **Фотій.**

РСФСР
Инв. № 417449
193 г.
(№ 821)



ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

«Не сѣтуй, Дидимъ, говорилъ нѣкогда Великій Антоній, въ утѣшеніе, знаменитому слѣпцу Александрійскому, что ты лишенъ того, чѣмъ пользуются комары и мухи; радуйся тому, что ты имѣешь то, чѣмъ владѣютъ Ангелы» — т. е. свѣтлый, чистый умъ, могущій созерцать тайны Божія!

Свѣтлыя духовныя очи могутъ имѣть и не слѣпцы, но никто лучше слѣпца не можетъ возчувствовать сладость этого великаго дара Божія, кромѣ котораго нѣтъ больше у него радостей.

Въ этомъ чувствѣ особенной важности духовнаго свѣта для всѣхъ, слѣпыхъ и видящихъ, я и спѣшу теперь на помощь къ тѣмъ изъ меньшей братіи великаго семейства Русскаго, по преимуществу мнѣ близкой, которые, хотя

и имѣютъ очи, тѣлесныя и духовныя, но свѣта Божія еще мало видятъ.

Отъ всей души молю Господа, явившаго знаменіе силы Своей на слѣпорожденномъ, и святыхъ Апостоловъ славянскихъ — Кѵрілла и Меѳодія, чтобы, предлагаемый мною братіямъ моимъ о Христѣ, трудъ этотъ возбудилъ въ нихъ жажду свѣта, просвѣщающаго всякаго человѣка грядущаго въ міръ, и указалъ имъ вѣрный путь къ нему.

Издатель

слѣпецъ Григорій Ширяевъ.

С.-Петербургъ, Мая 11 дня 1866 г.

Исполнися тысяща лѣтъ, отнелѣже истина Христова и евангельскій духъ жизни вниде въ слово и письма словенское, твоими, богомудре Кирилле, служеніемъ: и даже донынѣ спасительнымъ боговѣдѣніемъ просвѣщаетъ словенскія и россійскія люди. Кан. Кир. и Мефод. Троп. I-й Пѣсни.

I.

Многи пѣстуны имате о Христѣ, но не многи отцы. I Кор. IV, 15.

По благодати Божіей данней мнѣ, якоже премудръ архітектонъ, основаніе положихъ, инъ же назидаетъ: кійждо же да глядетъ, какъ назидаетъ. Основанія бо никтоже можетъ положити паче лежащаго, еже есть Іисъ Христосъ. I Кор. III, 10, 11.

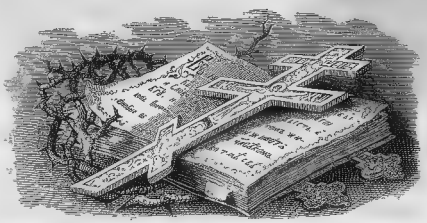
Какъ ни велико разстояніе, и по времени происхожденія и по степени развитія, между современною русскою грамотностію и первоначальною грамотностію всѣхъ Славянъ вообще, но связь между ними есть, которой отнюдь не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія, когда дѣло идетъ о нашемъ народномъ образованіи. Кто не знаетъ, какъ важны первыя основы всякой жизни, первыя движенія всякаго предпріятія, хотя онѣ часто бываютъ не замѣтны, и, съ перваго взгляда, не поражаютъ наблюдателя ничѣмъ особеннымъ. Удивляясь, напр., обширнымъ талантамъ и свѣдѣніямъ того или другаго ученаго, мы, обыкновенно, относимъ честь и славу этого заведенію, въ которомъ онъ воспитывался. А кто знаетъ? Быть можетъ, честь и слава эти, главнымъ образомъ, принадлежатъ тому, кто первый научилъ его выговаривать буквы алфавита. Быть можетъ, этотъ первый, скромный учитель, своимъ благотворнымъ вліяніемъ на юнаго питомца, и съумѣлъ вдохнуть въ него то, что, въ послѣдствіи, при счастливыхъ обстоятельствахъ, принесло прекрасный плодъ. Притомъ, не зная основъ жизни, можно то прививать къ ней, что вовсе не идетъ къ ней, хотя прививаемое, само по себѣ, хорошо и прививается усердно. Къ яблонѣ прививаютъ и грушу, и къ грушѣ яблонь. Но естественно ли это? Въ этомъ случаѣ, мы не помогаемъ жизни ихъ, имѣющей свои особенныя свойства и законы развитія, а дѣлаемъ насиліе ей и убиваемъ ее.

Въ настоящую пору, во всѣхъ слояхъ Русскаго царства, съ жаромъ хлопочутъ о народномъ образованіи. Въ Россіи явилось повсюду множество, разнаго рода, школъ. Стремленіе прекрасное! Но по нему одному еще нельзя ручаться за успѣхъ самого дѣла. Училищъ открыто много. Но соотвѣтствуетъ

ли числу ихъ число учениковъ? И вполнѣ ли доволенъ народъ образованіемъ своего юнаго поколѣнія? Для распространенія полезныхъ знаній, въ низшихъ классахъ русскаго народа, издаются, разнаго рода, сочиненія, и, такъ называемые, «читальники». Но читаются ли эти произведенія съ полнымъ вниманіемъ и предполагаемою пользою? Едвали все выходитъ на дѣлѣ такъ, какъ желается, и, вѣрно, на это есть важныя причины. Видно, не все удовлетворяетъ въ нашихъ стремленіяхъ народному чувству. Видно, или не тому учатъ его, чему нужно учить, или учатъ многому несвоевременно, или же не такъ учатъ. Не слѣдуетъ ли, поэтому, по-ближе взглянуть на дѣло. Можетъ быть, то, что теперь сѣется въ народѣ, по самому своему свойству, не можетъ прирости къ тому, что давно уже посѣяно въ немъ, и обратилось въ плоть и кровь его. Не дикимъ же оставался русскій народъ, въ продолженіи тысячи лѣтъ. Чему-нибудь да учился же онъ; что-нибудь да выросло же и добраго въ его душѣ. Дай Богъ, чтобы онъ всегда умѣлъ и предъ св. вѣрою благоговѣть и царей уважать и родителей почитать и ближнихъ любить такъ, какъ онъ все это умѣлъ дѣлать въ былое время, надъ которымъ легкомысліе нынѣ не стыдится не разумно глумиться! Изъ небольшой горсти слабыхъ людей образовать могущественное царство, распростертое по тремъ частямъ свѣта, рѣшать судьбы образованнѣйшихъ народовъ и царствъ, стать на первомъ планѣ всемірной жизни и исторіи, — подобныхъ вещей, воля ваша, нельзя совершать безъ здравой мысли, не развитыми силами. Не мѣшало бы ревнителямъ отечественнаго образованія, прежде всего, обратить вниманіе на то, что и какъ сѣялось въ народѣ нашемъ, съ самой первой поры бытія его, какъ это сѣмя принималось въ немъ; и за тѣмъ, если это сѣмя доброе и пришлось по почвѣ, — не подавлять его неродным ему ученіемъ, хотя бы, въ себѣ самомъ, и полезнымъ, а продолжать начатое, облегчая народу усвоеніе его. Замѣчательно, что въ то самое время, какъ пробудилось въ Россіи сознаніе необходимости усилить народное образованіе, ожило какое-то особенное, духовнородственное чувство къ первымъ просвѣтителямъ славянскаго міра: дана большая торжественность празднованію въ честь ихъ; явились священныя пѣсни, прославляющія ихъ подвиги, пишутся сочиненія, проливающія новый свѣтъ на ихъ равноапостольскіе труды, воздвигаются храмы, учреждаются школы, братства, украшающіяся ихъ именами, разсылаются безмездно въ учебныя заведенія св. изображенія ихъ. Не указываетъ ли этимъ самъ русскій народъ, какого желаетъ онъ образованія, чтобы ему легче было, при свѣтѣ его, выполнить великое свое назначеніе?

Не всякій способенъ ко всему. Одному дается математика преимущественно, другому исторія и т. д. Точно такъ же, и каждый народъ имѣетъ свой

особенный складъ, особенную наклонность къ чему-нибудь, особое призваніе. На долю одного досталась изысканность, утонченность вкуса, на долю другаго выпало обезпеченіе житейскихъ выгодъ, на долю же Русскаго, какъ ясно можетъ каждый благомыслящій видѣть, приходится сохранять правую Вѣру, пока не имѣющую въ цѣломъ мірѣ, кромѣ Россіи, гдѣ главу свою подклонить, отъ страстей и суемудрія человѣческаго. Имѣя въ виду сказанное, мы покажемъ въ предлагаемомъ трудѣ, какъ истинное значеніе равноапостольныхъ подвиговъ св. Кѵрілла и Меѳодія на почвѣ славянской, такъ и то, какое вліяніе имѣли и имѣютъ эти подвиги на народное образованіе всего славянскаго міра — вообще, и Россіи — въ частности.



II.

Позна Гдь сꙋщыя своя. 2 Тим. II, 19.
Ихже предꙋстави, тѣхъ и призва. Рим. VIII, 30.
Восхотѣвъ бо породи насъ словомъ истины, воеже быти намъ начатокъ нѣкій созданіемъ Его. Іак. I, 18.

Разсуждая нѣкогда съ римлянами о путяхъ Божіихъ, ведущихъ грѣшниковъ на покаяніе, Апостолъ Павелъ воскликнулъ: о, глубина богатства и премудрости и разума Божія! яко неиспытани судове Его и неизслѣдовани путіе Его! (Рим. XI, 33). Что скажемъ мы, приводя себѣ на память то, какъ милосердый Господь, желающій всѣмъ спастися и въ разумъ истины пріити, велъ насъ — Славянъ — къ свѣту Своего животворнаго ученія? Можемъ ли мы не возблагоговѣть предъ Его непостижимою премудростію, явленною въ этомъ веденіи? Еще Апостолъ Павелъ доходилъ до Иллирика (Рим. XV, 19), еще при немъ сіяла вѣра Христова въ Македоніи, гдѣ жили и Славяне. Апостолъ Андрей проникалъ съ проповѣдію Евангелія въ самую глубь сѣвера, въ Великій Новгородъ. Съ самыхъ первыхъ временъ христіанства, и Грузія и Таврида — весь южный край нынѣшней Россіи, съ которымъ хорошо были знакомы Славяне, составлялъ достояніе Христово. Одни изъ Славянъ обитали на границахъ греческой имперіи, другіе жили въ самой столицѣ ея. Одни изъ нихъ отправляли разныя въ ней службы, другіе вели войны, торговлю съ нею. Какъ бы имъ не научиться славить Христа, съ самыхъ первыхъ временъ Христіанства? Однакожъ, неранѣе, какъ черезъ восемь сотъ лѣтъ слишкомъ, они вполнѣ поняли животворную силу ученія Христова и окончательно просвѣтились имъ. Истинно, не изслѣдованы пути Божіи! Какъ будто бы для того, на такое долгое время, затворилъ Богъ народъ славянскій въ противленіи, чтобъ, въ послѣдствіи, явственнѣе открылась на немъ любовь Божія (Рим. XI, 32)! Какъ будто бы, по плану Божественнаго промышленія о мірѣ, ему предназначалось, въ отдаленной будущности, какое-то особенное призваніе!...

СВ. КѴРІАЛЪ, СЕМИ ЛѢТЪ, ПОВѢДАЕТЪ РОДИТЕ́ЛЯМЪ ЗНАМЕ́НАТЕЛЬНЫЙ СѠНЪ СВОЙ Ѡ СОѲІИ.

Наконецъ, настало благопріятное время, когда Господь благоволилъ услышать и нашу братію — Славянъ (2 Кор. VI, 2). Сколько чудесъ благости и премудрости Божіей явлено намъ и въ этомъ вожделѣннѣйшемъ для вѣрующаго сердца событіи! Для евангельской проповѣди нуженъ проповѣдникъ отъ Бога. Никтоже самъ себѣ пріемлетъ эту честь, токмо званный отъ Бога (Евр. V, 4). Самъ Господь, во время благопотребное, даетъ людямъ и апостоловъ и пророковъ и пастырей и учителей (Евр. IV, 11). Кого же и какъ Господь избралъ на подвигъ апостольства среди Славянъ? Чудны дѣла Божіи! Въ ту пору, какъ зрѣла Христова жатва, уже созрѣвали и достойные жнецы для ней. И гдѣ созрѣвали? На почвѣ, воздѣланной красными ногами великаго учителя языковъ, св. Ап. Павла. Въ Солунѣ, македонскомъ городѣ, былъ нѣкоторый доброродный и богатый, а вмѣстѣ съ тѣмъ — правовѣрный и праведный мужъ, по имени Левъ, занимавшій одну изъ первыхъ должностей, въ порядкѣ тогдашняго воинскаго чиноначалія, въ греческой имперіи. Ему-то и суждено было, въ числѣ семерыхъ сыновей, родить двухъ будущихъ благовѣстниковъ Евангелія въ земляхъ Славянскихъ — старшаго Меѳодія и младшаго — близнеца — Константина. Въ высшей степени поучительно слѣдить, какъ Господь велъ этихъ избранниковъ Своихъ къ великому служенію апостольства. Св. Меѳодій, по видимому, назначался совсѣмъ для иной дѣятельности, нежели какая составила всю славу его. Онъ былъ мужъ государственный и державъ княженіе. Но какое? Славянское. Тутъ-то и скрывалась тайна предъизбранія его въ учителя вѣры. Тутъ-то и начиналось воспитаніе его для будущаго служенія во славу Христа. Какъ апостолу Славянъ, долѣе своего единокровнаго сотрудника подвизавшемуся для ихъ духовнаго просвѣщенія, ему нужно было особенно хорошо, предварительно, изучить ту ниву, на которой онъ долженъ былъ сѣять слово Ёвангелія, — и вотъ ему дается полная возможность изучить ее. Вскорѣ же и открылось, что онъ княжилъ не для того, чтобы оставаться княземъ мірскимъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, онъ отказывается отъ славы міра сего, идетъ на гору Олимпъ, гдѣ Христовы рабы, подвигами самоумерщвленія, устрояли себѣ лѣствицу къ небу, и тамъ принимаетъ иночество, чтобы всего себя посвятить Христу, не помышляя о томъ, что это новое, смиренное званіе готовило ему славу, большую прежней.

Между тѣмъ, юный Константинъ, въ иночествѣ Кѵріллъ, шелъ къ той-же славѣ своимъ путемъ. О немъ вполнѣ можно сказать то, что сказалъ о себѣ Апостолъ Павелъ, т. е., что Богъ избралъ его въ сосудъ свой еще отъ чрева матери его (Гал. I, 15. 16). Дѣйствія этого благодатнаго призванія открылись на немъ почти вмѣстѣ съ его рожденіемъ. Мать хотѣла отдать

его для отдоенія кормилицѣ, но онъ не принялъ ея. Промыслу угодно было, чтобы чистая вѣтвь и питалась чистыми соками. Такое намѣреніе Божіе до того было ясно для его благочестивыхъ родителей, что они дали себѣ обѣтъ, съ той минуты до конца своей жизни, вести себя подобно непорочнымъ дѣвственникамъ. Чѣмъ болѣе росло благодатное дитя, тѣмъ болѣе обнаруживалась на немъ сила Божія. Будучи семи лѣтъ, онъ видѣлъ сонъ, подобный тому, какой видѣлъ въ юности св. Григорій Богословъ. Ему снилось, будто бы мѣстный воевода, собравъ всѣхъ дѣвицъ солунскихъ, предложилъ ему выбрать изъ нихъ невѣсту себѣ, и онъ избралъ ту, которая болѣе всѣхъ отличалась и красотою и богатствомъ убранства, по имени Софію. Тотъ же часъ благочестивые родители его поняли, какая была эта Софія, когда онъ разсказалъ имъ сонъ свой, и поспѣшили преподать ему, съ своей стороны, совѣтъ, какъ онъ можетъ сохранить вѣчный союзъ съ избранною имъ Божественною Спутницею. — Удивительно ли, послѣ этого, что св. Кѵріллъ, егда вдаста его въ ученіе книжное, спѣяше паче всѣхъ учениkъ въ книгахъ памятію и хитростію доброю вельми, яко и дивитися всѣмъ. Но благодать Божія не умъ только его просвѣщала; она, въ тоже время, очищала и его сердце. Всѣ мы зачинаемся и раждаемся во грѣхахъ, такъ что нѣтъ, по природѣ, ни одного изъ насъ чистаго, аще и единъ день житія его на земли (Іов. XIV, 4. 5). И у св. Кѵрілла было нѣчто такое, что привязывало его сердце къ земному, отвлекая его отъ всецѣлаго стремленія къ наслажденію высшими радостями. У него былъ соколъ, которымъ онъ, обыкновенно, потѣшался. Однажды, какъ бывало тогда въ обычаѣ у людей богатыхъ, ему вздумалось отправиться съ нимъ на охоту, въ поле; но лишь только онъ выпустилъ его изъ рукъ, какъ вѣтеръ подхватилъ его и занесъ, неизвѣстно куда.

Два дня не могъ вкушать пищи св. отрокъ отъ унынія и печали, причиненныхъ ему потерею любимой птицы. Наконецъ, онъ понялъ намѣреніе Промысла, пришелъ къ такой мысли, что такъ и всѣ земныя утѣхи не надежны, что, стало быть, не для чего и привязываться къ нимъ, и сказалъ себѣ: таково ли есть житіе сіе, да, въ радости мѣсто, печаль пребываетъ? Отъ сего дни по инъ ся путь иму, иже есть сего лучшій! Послѣ этого, заключился въ своемъ домѣ; начерталъ на стѣнѣ изображеніе креста Господня, во свидѣтельство того, что отселѣ и онъ, какъ Ап. Павелъ, ничѣмъ не будетъ хвалиться, токмо о крестѣ Господа своего (Гал. VI, 14); обратился къ св. Григорію Богослову, творенія котораго въ особенности приходились ему по сердцу, взывая къ нему: «о Григоріе! тѣломъ человѣкъ, а душею Ангелъ! Уста твои, какъ уста Серафима, Бога прославляютъ, и всю вселенную просвѣщаютъ

СВ. ВАСІЛІЙ, ЕЩЕ ОТРОКОМЪ, УМОЛЯЕТЪ СВ. ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА БЫТЬ ЕМУ НАСТАВНИКОМЪ.

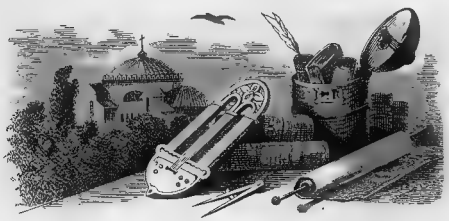
православнымъ ученіемъ. Пріими меня, припадающаго къ тебѣ любовію и вѣрою, и будь мнѣ просвѣтитель и учитель!» И сталъ наизустъ учить творенія сего дивнаго пастыря Христовой Церкви.

Не легко было юному уму постигать глубину ученія великаго Богослова! Нашлось въ немъ много непонятнаго для боголюбиваго отрока, что причиняло ему тяжкую скорбь. Въ эту пору, находился въ Солунѣ одинъ странникъ, знавшій грамматику. Св. Кѵрілъ идетъ къ нему, падаетъ ему въ ноги, и умоляетъ научить его ей; но тотъ отказывается; святый усиливаетъ просьбу, предлагаетъ ему всю свою часть изъ дома родительскаго; но и это не помогло. Тогда смущенный отрокъ возвращается домой и, съ пламенной молитвой, повергается предъ Богомъ, прося Его, чтобы Онъ призрѣлъ на желаніе сердца его. Призрѣлъ ли же Господь на желаніе праведника Своего? Призрѣлъ, и еще лучшее предзрѣлъ о немъ, чѣмъ сколько желалъ онъ (Евр. XI, 40). Въ то время, малолѣтній греческій императоръ, сынъ благочестивой Ѳеодоры, Михаилъ III, слушалъ уроки у знаменитыхъ ученыхъ тогдашняго времени — Льва и Фотія, въ послѣдствіи — великаго Патріарха цареградскаго. Царственному питомцу понадобился достойный соученикъ, который бы усердіемъ къ ученію и добрымъ нравомъ имѣлъ благотворное вліяніе на него. И вотъ одинъ изъ царскихъ попечителей, много слышавшій о любви къ наукамъ и непорочной жизни св. Кѵрілла, вызываетъ его, уже четырнадцатилѣтняго отрока, въ Царьградъ, и дѣлаетъ царскимъ совоспитанникомъ. Такимъ образомъ, изъ тѣхъ самыхъ, которые нѣкогда будутъ располагать его знаніями, во славу Божію, одинъ становится воспитателемъ его, а другой учится съ нимъ. Свѣтильникъ Христова свѣта заранѣе выносится изъ-подъ спуда, чтобы яснѣе открылась благопотребность его въ свое время! Провозвѣстникъ небесной истины, съ юныхъ лѣтъ, знакомится съ царственнымъ величіемъ, чтобы тѣмъ дерзновеннѣе онъ могъ, въ послѣдствіи, возвѣщать ее царямъ и владыкамъ земнымъ (Мат. X, 18)! Еще судьбы Божіи о просвѣщеніи Славянъ Евангеліемъ были сокрыты, а между будущими исполнителями этихъ судебъ уже утверждается святый союзъ!... Такъ заботливо и премудро печется Господь о созданіяхъ Своихъ!...

Не постыдилъ себя отрокъ святый, такъ чудно взысканный промысломъ Божіимъ! Съ жаромъ предался онъ изученію всѣхъ, тогда извѣстныхъ, наукъ, неисключая астрономіи и даже музыки. Ни разнообразіе открывшихся для его юнаго сердца развлеченій, ни увѣренность въ покровительствѣ сильныхъ земли — ничто не могло ослабить въ немъ усердія къ любимымъ занятіямъ и желанія — какъ можно — ближе стать къ Богу. Тихій нравъ въ немъ все болѣе и болѣе умягчался; наклонность къ самоуглубленію, съ каждымъ днемъ, усиливалась. Онъ любилъ бесѣды, но тѣ, которыя были полезны для него. Всякихъ другихъ

бесѣдъ онъ уклонялся. И осѣнилъ его Богъ благословеніемъ Своимъ!... Въ короткое время, его успѣхи въ наукахъ и благонравіи сдѣлались предметомъ особеннаго удивленія и воспитателей и покровителей его, и стяжали ему искреннюю любовь ихъ. Ему усвоено почетное наименованіе философа.

Въ домѣ взыскавшаго его вельможи онъ получилъ власть распоряжаться какъ въ своемъ; въ царскія палаты входилъ съ дерзновеніемъ, хотя Богомудрый отрокъ и ничѣмъ земнымъ не прельщался. Не принималъ онъ золота, котораго не щадилъ для него его покровитель, не увлекался тѣмъ счастіемъ, которое онъ сулилъ ему. Однажды, такъ говорилъ ему вельможа: «твоя красота, твоя мудрость заставляютъ меня особенно любить тебя. Я имѣю духовную, принятую отъ купели, дочь — красивую, богатую, знатнаго рода. Женись на ней. Царь дастъ тебѣ княженіе, скоро воеводой будешь». «Великъ этотъ даръ, отвѣчалъ ему философъ; но для меня нѣтъ ничего выше науки. Я хочу, продолжалъ онъ, искать прадѣдовской чести и богатства», разумѣя подъ этимъ первобытную невинность и блаженство Адама. Вельможѣ, его благодѣтелю, и царю никакъ не хотѣлось разстаться съ нимъ. По взаимномъ совѣщаніи, они рѣшились доставить ему, по крайней мѣрѣ, ту честь, чтобы онъ, принявъ священство, остался патріаршимъ библіотекаремъ, при Софійскомъ соборѣ, и опредѣлили его на эту должность. Но прошло не много времени, — и святый тайно ушелъ на одинъ изъ острововъ пролива, и тамъ скрылся въ монастырѣ. Шесть мѣсяцевъ напрасно искали его. Нашли. Но возвратить къ возложенной на него должности не могли. Уже въ слѣдствіе усиленной просьбы царя и вельможи, онъ, наконецъ, принялъ на себя обязанность учить философіи соотечественниковъ и иноземцевъ, со всякою службою и помощію, и такимъ образомъ сталъ общественнымъ дѣятелемъ.



III.

И҆ посла̀ и҆́хъ проповѣ́дати цр҃ствїе Бж҃їе. Лук. IX. 2.

Но что такое была, въ планѣ Божественномъ, та дѣятельность, на поприще которой теперь вступилъ св. Кѵріллъ? Таже наука, только высшая и труднѣйшая прежней, — опытная наука того апостольства, къ которому онъ предназначенъ былъ отъ чрева матери своей. Какъ двѣнадцать учениковъ Христовыхъ, прежде нежели облеклись силою свыше и вступили въ дѣйствительное служеніе вселенскихъ учителей, какъ бы для опыта, были посылаемы по Іудеѣ съ проповѣдію Евангелія, такъ и будущіе апостолы Славянъ должны были предварительно испытать свои силы въ привлеченіи заблуждшихъ къ свѣту Христову и научиться той духовной мудрости, какая требуется отъ провозвѣстника Евангельской истины.

Первый такой опытъ, по повелѣнію царя, былъ сдѣланъ св. Кѵрилломъ, какъ бы у себя дома.

При императорѣ Ѳеофилѣ, занималъ патріаршій въ Царѣградѣ престолъ ожесточенный иконоборецъ, по имени Анній или Іаннесъ. По смерти императора, когда православіе получило полную побѣду, онъ былъ низведенъ съ своего престола и изгнанъ. Но это не обратило упорнаго на путь истины. Изгнаніе свое считалъ онъ насиліемъ, святость чествованія иконъ недоказанною. Будучи въ изгнаніи, онъ велѣлъ, однажды, своему діакону выколоть глаза на иконѣ. Императору Михаилу и Патріарху хотѣлось вразумить заблуждшаго, и — вотъ они назначаютъ св. Кѵрілла имѣть съ нимъ преніе. Надменный иконоборецъ, увидѣвъ предъ собою юношу, не хотѣлъ-было и разсуждать съ нимъ. Но Богомудрый ревнитель истины, зрѣлостію ума своего, смирилъ гордость его, и такъ ясно обнаружилъ предъ нимъ заблужденіе его, что тотъ, съ посрамленіемъ для себя, долженъ былъ отказаться отъ дальнѣйшаго пренія съ нимъ и — замолкнуть.

Второе посольство, съ словомъ истины, св. Кѵріллъ имѣлъ къ малоазійскимъ магометанамъ. Въ 851 году, мелитинскій эмиръ прислалъ къ царю Михаилу посольство, съ такимъ предложеніемъ: «какъ вы, христіане, почитая одного Бога, въ тоже время дѣлите Его на три лица, — говорите: Богъ Отецъ, Сынъ и Духъ Святый?... Если можете открыть намъ эту тайну, то пришлите къ намъ такого мужа, который могъ бы говорить съ нами о ней и убѣдить насъ въ ея справедливости». Такія разсужденія о вѣрѣ въ то время были не новостью среди магометанъ, славившихся образованіемъ. Но эмиръ, какъ замѣтно, предлагая царю Михаилу вопросъ о Св. Троицѣ, водился не одною любознательностію. Ему хотѣлось болѣе всего потщеславиться предъ греками, выказать предъ ними нравственное достоинство магометанъ, на которыхъ они смотрѣли не выгодно, и, если бы можно было, найти поводъ къ какимъ-либо международнымъ неудовольствіямъ, отъ которыхъ такъ много страдали христіане. Царь созвалъ соборъ и, пригласивъ на него св. Кѵрілла, которому тогда было только 24 года, сказалъ ему: «слышишь ли, философъ, что говорятъ о нашей вѣрѣ нечестивые агаряне? Какъ слуга и ученикъ Св. Троицы, иди и обличи ихъ. Совершитель всяческихъ, славимый въ Троицѣ, Отецъ, Сынъ и Духъ Святый, да подастъ благодать и силу словамъ твоимъ, и, показавъ въ тебѣ новаго Давида, камнемъ изъ пращи своей сокрушившаго Голіаѳа, возвратитъ къ намъ, съ полною надеждою получить царство небесное»! «Съ радостію иду, отвѣчалъ философъ. Можетъ ли что въ этомъ мірѣ быть сладостнѣе для меня, какъ умереть за Св. Троицу и получить вѣчную жизнь?» Ему назначили въ спутники Георгія Асигкрита, и онъ отправился съ нимъ на духовную брань. На пути уже совопросники и узнали, съ кѣмъ они хотятъ имѣть дѣло. Въ магометанскихъ владѣніяхъ, путники увидѣли, на внѣшнихъ дверяхъ христіанскихъ жилищъ, демонскія изображенія, написанныя поклонниками Магомета для униженія христіанъ. «Знаешь ли, философъ, какія это изображенія?» — лукаво спросили у него, провожавшіе его, магометане. — «Это демонскія изображенія, отвѣчалъ философъ, и полагаю, что тутъ живутъ христіане. Демоны съ ними не могутъ вмѣстѣ жить, бѣжатъ отъ нихъ; а гдѣ нѣтъ снаружи такихъ изображеній, тамъ они живутъ.» Искусители замолкли.— Между тѣмъ, кончилось путешествіе. Магометане, по видимому, приняли философа и обходились съ нимъ весьма почтительно. Учреждали для него обѣды, въ которыхъ участвовали отборные ученые магометанскіе: астрономы, геометры и др. Во время стола происходили и споры этихъ мудрецовъ съ христіанствующимъ философомъ, каждый разъ изумлявшимъ ихъ своимъ умомъ и находчивостію. Не имѣя возможности ихъ своротъ его въ спорахъ, они думали, по крайней мѣрѣ, поразить его богатствомъ и силою своею, показывали ему

Св. Кѵ́рілл обличáетъ сарацы́нскихъ мудрецóвъ въ богохýльствѣ.

виноградники свои и храмы, украшенные серебромъ, золотомъ и дорогими камнями, говоря: «виждь, философе, дивное чюдо, сила велика и богатство много Амавріино, владыки Сраціньска»... Но Христова мудреца — не удивили ничѣмъ. «Не диво се есть, отвѣчалъ онъ имъ. Богу хвала и слава, сотворшему сія вся!» Въ досадѣ на свое безуспѣшіе, они тайно подали ему выпить ядъ. Ядъ онъ выпилъ, но, по дѣйствію Того, Кто сказалъ о вѣрующихъ: аще и что смертно испіютъ, не вредитъ ихъ (Марк. XVI, 18), вреда отъ него не потерпѣлъ, и возвратился въ отечество съ полною славою поборника и исповѣдника Христовой вѣры.

Вскорѣ за тѣмъ, св. Кѵріллъ оставилъ должность учителя философіи. Какъ бы предчувствуя, что впереди ему готовятся Промысломъ большіе труды, требовавшіе благодатнаго укрѣпленія силъ его, онъ всецѣло посвятилъ себя подвигамъ благочестія: посту, молитвѣ и попеченію о нищихъ, уединившись, сперва, въ нѣкоторомъ неизвѣстномъ мѣстѣ, а потомъ, на Олимпѣ, гдѣ служилъ Богу братъ его, св. Меѳодій.

Но не долго св. душа праведника, подобно крину сельному, цвѣла и благоухала красотою добродѣтельной жизни въ пустынномъ уединеніи. Въ Царьградъ пришли послы отъ хазаръ, жившихъ близъ Каспійскаго моря, около нынѣшней Астрахани, и говорили царю: «доселѣ мы знали одного Бога, царствующаго надъ всѣми, и Ему поклонялись, обращаясь къ востоку. Теперь же — евреи убѣждаютъ насъ принять ихъ вѣру, — магометане склоняютъ въ свою, обѣщая намъ миръ и дары богатые, и утверждая, что магометанская вѣра есть лучшая изъ всѣхъ вѣръ. Питая къ вамъ изстари любовь и дружбу, зная, что вашъ народъ великъ и — царство ваше отъ Бога, мы просимъ вашего наставленія. Пришлите къ намъ ученаго мужа. Пусть онъ обличитъ неправду евреевъ и магометанъ, — и мы примемъ вашу вѣру». Выслушавъ такую рѣчь, царь велѣлъ искать философа, и, когда онъ явился, сообщивъ ему желаніе хазаръ, сказалъ: «иди, философъ, къ этимъ людямъ. Разрѣши ихъ недоумѣніе. Повѣдай имъ тайну Пресв. Троицы. Лучше тебя никто не можетъ сдѣлать этого». «Если повелишь, царь, — съ радостію пойду — пѣшій, босой, не возьму ничего, что Господь запретилъ брать съ собою Апостоламъ», отвѣчалъ философъ. — «Если бы ты, самъ по себѣ, это дѣлалъ, возразилъ царь, — такой поступокъ твой былъ бы похваленъ; но, въ настоящемъ случаѣ, дѣло касается чести царской державы. Иди съ честію, съ царскою помощію.» И святый немедленно же отправился въ путь, но — уже вмѣстѣ съ братомъ своимъ, св. Меѳодіемъ. Наступило время свѣтенія и для этого свѣтильника Божія, очищеннаго вдали отъ міра самоумерщвленіемъ и молитвой.

Проповѣдники Св. Троицы шли чрезъ Корсунь, тогда знаменитый торговлею и притокомъ людей разныхъ странъ и вѣръ. Здѣсь св. путники нашли нужнымъ, на нѣкоторое время, остановиться, чтобы лучше приготовиться къ успѣшнѣйшему выполненію своего посольства. Въ Корсунѣ, между прочимъ, много было евреевъ. Намѣреваясь имѣть дѣло съ евреями въ землѣ хазарской, св. Кѵріллъ занялся здѣсь изученіемъ еврейскаго языка: вслушивался въ рѣчь евреевъ, читалъ ихъ книги, изучалъ ихъ грамматику, которую перевелъ на свой языкъ. Но Промыслъ исполнялъ Свои планы при этомъ, распространяя чрезъ Своихъ избранниковъ славу Свою между людьми разноплеменными, утверждая вѣру самихъ избранниковъ, явленіемъ на нихъ силы Своей, и заранѣе, не замѣтно для нихъ самихъ, уготовляя все потребное для ихъ будущаго служенія.

Одинъ самарянинъ, жившій въ Корсунѣ, и не разъ имѣвшій преніе съ св. Кѵрілломъ, принесъ къ нему свои книги, которыхъ философъ читать не могъ. Чтожъ дѣлаетъ философъ? Онъ проситъ оставить ихъ у себя, затворяется въ храмѣ, молится, чтобы Господь открылъ ему смыслъ разумѣть ихъ, и — сталъ читать ихъ, такъ хорошо, что самарянинъ, услышавъ его чтеніе, въ изумленіи воскликнулъ: «истинно, вѣрующіе во Христа получаютъ дары Св. Духа!» — и за тѣмъ, нисколько не медля, сперва крестился его сынъ, а потомъ — онъ самъ.

Съ южнымъ краемъ нынѣшней Россіи издавна были знакомы новгородскіе Славяне, то по дѣламъ торговли, то по другимъ отношеніямъ. Изъ житія св. Стефана, епископа сурожскаго (VIII в.), мы знаемъ, какъ новгородскій князь, Бравалинъ, еще до основанія царства Русскаго, послѣ страшнаго опустошенія Тавриды, вторгся въ сурожскій соборный храмъ, чтобы ограбить, находившуюся тамъ, богатую раку сего святаго, и какъ онъ, въ слѣдствіе внезапнаго небеснаго наказанія за это, оставилъ языческое заблужденіе, и тамъ же крестился съ своею дружиною. (Истор. Хр. въ Россіи до Равноап. Князя. Влад. стр. 169.) Быть не можетъ, чтобы у христіанъ этого края не было желанія ближе познакомить заблуждавшихъ съ ученіемъ Спасителя. Очень могло статься, что ими даже были переведены, по крайней мѣрѣ, важнѣйшія книги Св. Писанія на понятный для этихъ Славянъ языкъ *). Св. Кѵріллъ, дѣйствительно, и нашелъ въ Корсунѣ такой переводъ Евангелія и Псалтири, и до того плѣнился имъ, что захотѣлъ непремѣнно выучиться, — и выучился, — тому языку, на который онъ былъ сдѣланъ.

*) Спросятъ: «да имѣли ли новгородскіе Славяне письменный языкъ?» — Быть не можетъ, чтобы какого-нибудь не имѣли.

Обстоятельство знаменательное и весьма утѣшительное для Русскихъ! Какъ будто бы этимъ давалось знать споспѣшнику Христову, что жатва, для которой Промыслъ предназначалъ его, уже созрѣваетъ, — что его апостольскіе труды среди Славянъ должны начаться, именно, съ подобнаго труда, — что для сѣверныхъ Славянъ прольется нѣкогда изъ Корсуня тотъ же чистый свѣтъ ученія Христова, которымъ, въ скоромъ времени, при его содѣйствіи, просвѣтятся Славяне югозападные, — что, какъ тѣ, такъ и другіе, въ союзѣ братскаго мира и любви, единымъ сердцемъ и едиными устами, будутъ славить Пресв. Троицу, пользуясь трудами его, — что, читая найденный имъ переводъ, онъ уже заранѣе роднится со всѣми ими, и, какъ общій Апостолъ Славянъ, благословляетъ ихъ.

Не менѣе замѣчательно и то обстоятельство, что, въ бытность св. братьевъ въ Корсунѣ, по убѣжденію св. Кирілла, открыты и изнесены изъ моря мощи св. Климента, папы римскаго, который, за исповѣданіе Христа, по повелѣнію императора Траяна, былъ сосланъ въ Корсунь, а потомъ, за ревность къ распространенію св. Вѣры, на мѣстѣ самаго изгнанія, въ 102 году, ввержень въ море. Неужели, въ продолженіе слишкомъ 700 — лѣтняго пребыванія св. останковъ Христова мученика въ морскихъ водахъ, никому не приходило на мысль оказать имъ подобнаго усердія?. Видно, есть свое время всякой вещи подъ небесемъ, и — самымъ святымъ дѣламъ (Екл. III, 1.)! Видно, теперь только открывалась пріимая нужда въ священныхъ останкахъ мученика Божія! И точно, соображая обрѣтеніе ихъ съ обстоятельствами проповѣди св. братьевъ у западныхъ Славянъ и съ просвѣщеніемъ Христіанскою вѣрою Славянъ сѣверныхъ, нельзя надивиться величію благости Божіей, такъ мудро и попечительно устроявшей судьбу этихъ народовъ. Просвѣтителямъ Славянъ предстояли тяжкіе подвиги. Успѣху святаго дѣла ихъ угрожали могучіе враги. Промыслъ указываетъ имъ прекрасный примѣръ самоотверженія и терпѣнія въ св. мученикѣ, и въ его останкахъ подаетъ имъ наилучшее оружіе противъ нихъ. Ими они обличатъ первосвященниковъ римскихъ въ отступленіи отъ единства съ Вселенскою Церковію; ими пріобрѣтутъ благоволеніе ихъ къ трудамъ своимъ. Славяне, изъ которыхъ Господь опредѣлилъ въ своемъ совѣтѣ составить одно стадо Свое, разрознены были не племенными только отношеніями; они раздѣлялись и вліяніемъ на нихъ чуждыхъ имъ народовъ. Останки св. мученика передаются имъ, какъ залогъ вѣчнаго ихъ братства и единодушія въ вѣрѣ. Одну часть этихъ останковъ св. братья несутъ на западъ, другая перенесется, въ свое время, на сѣверъ, и сдѣлается достояніемъ новонасажденной Церкви Русской. Дивны дѣла Твои, Господи!

Прежде нежели св. Кѵріллъ и Меѳодій оставили Корсунь, уже имъ и пришлось имѣть дѣло съ тѣми, для которыхъ предприняли они настоящее путешествіе. Хазарскій воевода обступилъ Корсунь съ войскомъ своимъ. Философъ принялъ на себя освободить городъ отъ нападенія, и, явившись къ воеводѣ, такъ благотворно подѣйствовалъ на него своею поучительною бесѣдою съ нимъ, что тотъ немедленно же отступилъ отъ города, не только не причинивъ ему вреда, но и давъ обѣщаніе св. Кѵріллу принять крещеніе. Видимо Господь прославлялъ предъ невѣрующими раба своего!

Вслѣдъ за отступленіемъ враговъ отъ Корсуня, и св. братья отправились въ землю хазарскую. До Азовскаго моря шли они сухимъ путемъ. Въ это время, св. Кѵріллъ снова испыталъ на себѣ чудо Божія покровительства. Однажды, въ первомъ часу дня, совершалъ онъ утреннее Богослуженіе. Вдругъ нападаютъ на него, съ воемъ волковъ, свирѣпые угры, и намѣреваются убить его. Но онъ, нисколько не смущаясь, продолжаетъ молиться, взывая: «Господи помилуй»! такъ какъ служба уже кончилась. Видя это, враги укротили ярость свою, и стали кланяться ему. Потомъ, принявъ отъ него наставленіе, дали свободу какъ ему, такъ и его спутникамъ продолжать путь свой.

Достигнувъ Азовскаго моря, св. путники сѣли на корабль, и поплыли водою къ кавказскимъ горамъ. Узнавъ о ихъ приближеніи, хазары тотчасъ выслали навстрѣчу имъ какого-то словоискусника, вѣроятно, съ намѣреніемъ напередъ испытать умъ ихъ, чтобы знать, какъ принять ихъ. Словоискусникъ немедленно вступилъ въ преніе съ ними; но скоро принужденъ былъ сознать свое безсиліе продолжать его, и умолкъ. Это обстоятельство не могло остаться безъ вниманія, со стороны хазаръ.

Когда благовѣстники Христовы явились къ нимъ, они приняли ихъ, какъ слѣдуетъ принять слугъ Божіихъ. Самъ ханъ неразъ съ искреннимъ радушіемъ предлагалъ имъ богатую трапезу, и принималъ живое участіе въ ихъ преніяхъ съ евреями и магометанами. Ничто не было упущено изъ вида, чтобы достойно почтить ихъ. «Скажи намъ, спрашивали хазары философа, когда онъ, въ первый разъ, явился къ ханскому обѣду, изъ какого ты происходишь рода, чтобы мы могли дать тебѣ приличное мѣсто за столомъ?» — «Дѣдъ мой былъ великъ и славенъ, близъ царя стоялъ, отвѣчалъ имъ, по своему, философъ. Но онъ не захотѣлъ пользоваться этою честію, и своевольно удалился отъ него. Въ это время и я родился. Я внукъ Адамовъ.» Поняли спрашивающіе глубокій смыслъ этого отвѣта, и, съ того времени, какъ повѣствуетъ жизнеописатель, «паче начаша надъ ними честь имѣти».

Пренія философа съ евреями и магометанами возобновлялись нѣсколько разъ. Какъ тѣ, такъ и другіе предлагали ему вопросы разнаго рода, которые

СВ. КУ́РІЛЛЪ СИ́ЛОЮ МОЛИТВЫ УПРОЩА́ЕТЪ Ѧ́РОСТЬ НАПАВШИХЪ НА НЕГО У́ГРОВЪ.

КРЕЩЕ́НІЕ ХОЗА́РЪ, СВѦ́ТЫМИ КУ́РІЛЛОМЪ И МЕѲОДІ́ЕМЪ.

онъ рѣшалъ съ удивительною ясностію и силою, обнаруживавшими въ немъ и свѣтлый, находчивый умъ, и глубокое знаніе слова Божія, и искреннюю любовь къ истинѣ. Плодомъ этого было то, что хазары, наконецъ, сказали: «мы не враги себѣ; кто захочетъ, съ этого дня, креститься, пусть крестится, по доброй волѣ. Всякаго же, кто вздумалъ бы кланяться на западъ, или жидовскія молитвы творить, или сарацинскую вѣру держать, осуждаемъ на смерть»; — и тогда же крестилось 200 человѣкъ, отвергшихъ языческія мерзости и беззаконныя сожитія. Между тѣмъ, ханъ написалъ царю Михаилу письмо такого содержанія: «посланный тобою, владыко, мужъ объяснилъ намъ Христіанскую вѣру и, въ частности, тайну Св. Троицы, употребляя при этомъ и простое слово и образы. Теперь мы узнали, что эта вѣра есть истинная, и потому повелѣли креститься всякому, кто захочетъ этого, по доброй волѣ. Думаемъ и мы тоже сдѣлать. Увѣряемъ тебя, что мы всѣ — друзья и пріятели твоему царству и, если захочешь, готовы служить тебѣ». Самъ ханъ проводилъ философа въ путь. Предлагалъ ему богатые дары, но онъ не принялъ ихъ, говоря: «выдай лучше мнѣ всѣхъ плѣнныхъ грековъ, сколько ихъ здѣсь есть у тебя. Этотъ даръ будетъ дороже для меня всякаго дара». Нашлось плѣнныхъ 20 человѣкъ. Ханъ ихъ и отдалъ ему. Затѣмъ философъ, радуясь, отправился въ путь свой.

Чѣмъ ревностнѣе св. братья подвизались для славы Божіей, тѣмъ явственнѣе на нихъ самихъ отражалась слава Христова, — обильнѣе Духъ Божій изливалъ на нихъ дары Свои.

На возвратномъ пути, случилось имъ проходить чрезъ нѣкоторую безводную пустыню. У путниковъ не доставало силъ переносить жажду, страшно томившую ихъ. Нашли они въ болотистомъ мѣстѣ воду, но пить ее не было возможности: она была горька, какъ желчь. Когда всѣ разошлись отыскивать лучшую воду, св. Кѵрілъ сказалъ брату своему: «не могу больше переносить жажды. Почерпни хоть этой горькой воды. Усладившій нѣкогда горькую воду для израильтянъ, утѣшитъ и насъ». Св. Меѳодій почерпнулъ воды, и она оказалась и сладкою и холодною. Утоливъ ею жажду, они, съ глубокимъ чувствомъ благодарности, прославили Господа, творящаго чудеса предъ рабами Своими.

Св. братья изъ земли хазарской шли опять чрезъ Корсунь. Однажды, бывши вечеромъ у корсунскаго архіепископа, св. Кѵрілъ обратился къ нему съ такою просьбою: «помолись, отче, обо мнѣ, какъ бы могъ молиться обо мнѣ родной отецъ мой». Нѣкоторымъ, изъ присутствовавшихъ тамъ, такая рѣчь показалась странною, и они спросили его наединѣ — почему онъ предложилъ ее? — «Завтра, утромъ, архіепископъ оставитъ насъ, и отойдетъ

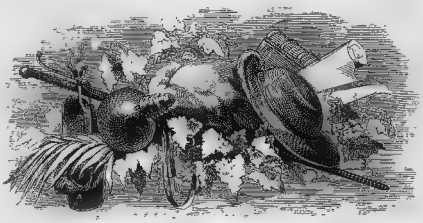
ко Господу,» отвѣчалъ философъ. Какъ сказалъ онъ, такъ и сбылось: архіепископъ скончался.

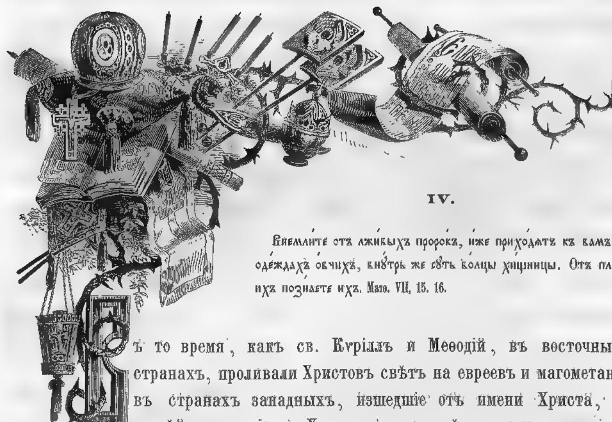
Услышавъ, что жители города Филлы суевѣрно чтутъ большой дубъ, сросшійся съ черешнею, который они называли Александромъ, и совершаютъ подъ нимъ свои жертвоприношенія, не позволяя женскому полу, ни подходить къ нему, ни присутствовать при жертвахъ, философъ немедленно отправился въ этотъ городъ и, собравъ жителей его, сказалъ имъ: «греки кланялись лучшимъ тварямъ — небу и землѣ, и пошли въ вѣчную муку. Можете ли избѣжать вѣчнаго огня вы, покланяясь худшей вещи — дереву, которое, и само по себѣ, удобосгараемо!» — «Мы не сами стали почитать его, но научились этому отъ дѣдовъ нашихъ», отвѣчалъ народъ; «притомъ, оно подаетъ намъ все, чего бы мы ни попросили, особенно — дождь большой. Можемъ ли мы не почитать его? Дерзнувшій сдѣлать это немедленно былъ бы наказанъ смертію. Тогда никто изъ насъ, въ вѣкъ, и дождя не видалъ бы». На это философъ отвѣтилъ имъ: «Богъ говоритъ о васъ въ Своихъ книгахъ, а вы отвращаетесь отъ Него. Исаія отъ лица Господня взываетъ: вотъ Я иду собрать всѣ племена и языки, и пріидутъ и узрятъ славу Мою, и положу на нихъ знаменіе и пошлю избранныхъ отъ нихъ къ язычникамъ: въ Тарсисъ, Фулъ, Лудъ, Мосохъ, Фовелъ и въ Элладу, и на острова дальніе, которые не слышали о Моемъ имени, и возвѣстятъ славу Мою язычникамъ, говоритъ Господь Вседержитель (Ис. LXVI, 19); и еще: вотъ Я пошлю рыболововъ и ловцовъ многихъ, и васъ изловятъ на холмахъ и скалахъ каменныхъ (Іер. XVI, 16). Познайте, братіе, Бога, сотворившаго васъ! Вотъ предъ вами и Евангеліе Новаго Божія Завѣта, въ которое вы крестились!» Послѣ этихъ словъ, сперва старѣйшины, а потомъ и всѣ прочіе подошли къ Евангелію, сдѣлали предъ нимъ приличное поклоненіе, и облобызали его. Между тѣмъ, философъ подалъ имъ бѣлыя свѣчи, и они всѣ, съ пѣніемъ, пошли къ дереву. Философъ первый, взявъ топоръ, сдѣлалъ 33 удара въ него; его примѣру послѣдовали и всѣ прочіе; дерево было съ корнемъ вырублено и сожжено. Ночью прошелъ дождь. И всѣ прославили Бога.

Съ радостію возвратились въ Царьградъ (859 г.) слуги Христовы, совершивъ силою Духа Божія столько чудныхъ дѣлъ, возвеличившихъ и славу Церкви, къ которой эти рабы Божіи принадлежали, и могущество царя, вызвавшаго ихъ на святой подвигъ! Милостиво встрѣтилъ ихъ благовѣрный Михаилъ, утѣшенный полнымъ успѣхомъ посольства ихъ. Желая достойно наградить ихъ за понесенные ими, славные труды, онъ

ЖИТЕЛИ ГОРОДА ФИЛЛЫ, ПО СЛОВУ СВ. КУРІЛЛА, ПОСѢКАЮТЪ СУЕВѢРНО ЧТИМОЕ ИМИ ДЕРЕВО.

хотѣлъ тогда же облечь ихъ въ высокій санъ епископскій, но, какъ истинные ученики носившаго на Себѣ образъ смиреннаго раба, они отклонили отъ себя эту честь. Св. Меѳодій удовольствовался скромнымъ званіемъ игумена Полихронской обители (на азіатскомъ берегу, близъ Кизика), а св. Кѵріллъ, въ прежнемъ званіи, пріютился при цареградской церкви св. Апостоловъ. Здѣсь Божій рабъ опять посвятилъ себя обычнымъ подвигамъ поста и молитвы, чтобы ихъ силою, находясь въ духовномъ общеніи съ учениками Христовыми, успѣшнѣе дозрѣть до полноты совершенства апостольскаго, и, изъ-подъ сѣни храма, посвященнаго ихъ имени, явиться истиннымъ апостоломъ среди тѣхъ, для служенія которымъ, разными способами, Господь уготовлялъ его отъ чрева матери его. Здѣсь, среди духовныхъ занятій, въ святой тиши, пользуясь разнообразными опытами предшествующей своей жизни, онъ расширялъ и совершенствовалъ знанія свои; здѣсь же представилъ онъ и новый опытъ своего дивнаго глубокомыслія, прочитавъ и объяснивъ начертанную, по еврейски и самарянски, надпись, на одномъ изъ потировъ Софійскаго собора, заключавшую въ себѣ пророчество объ Іисусѣ Христѣ, которой никто до него ни прочесть, ни понять не могъ. Свѣтильникъ горѣлъ во всей красотѣ своей!... Оставалось только подать его ищущимъ свѣта..... Пришло и это время!...





IV.

Внемлите отъ лживыхъ пророкъ, иже приходятъ къ вамъ во одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волцы хищницы. Отъ плодъ ихъ познаете ихъ. Матѳ. VII, 15. 16.

Въ то время, какъ св. Кѵриллъ и Меѳодій, въ восточныхъ странахъ, проливали Христовъ свѣтъ на евреевъ и магометанъ, въ странахъ западныхъ, изшедшіе отъ имени Христа, но не дѣйствовавшіе для Христа, учители вѣры самихъ христіанъ влекли въ тьму лжемудрія и жизни, противной Христу. Подъ вліяніемъ такого духовнаго водительства, находились и наши братія-Славяне, населявшіе сосѣднія съ нѣмецкимъ государствомъ земли: Богемію и Великую Моравію, какъ сѣверную, оканчивавшуюся, на югѣ, Дунаемъ, такъ и южную, простиравшуюся отъ Дуная, чрезъ Блатенское озеро, до нынѣшней Славоніи, подъ именемъ Моравской Панноніи, или просто Панноніи. Эти земли постоянно обращали на себя вниманіе нѣмецкихъ государей, начиная съ Карла Великаго. Не довольствуясь тѣмъ, что обитатели этихъ земель платили имъ дань, обязуясь служить на войнѣ, и находились подъ ихъ главнымъ управленіемъ, они хотѣли совершенно покорить ихъ себѣ, и онѣмечить. Не дѣйствовало вещественное оружіе, — они обращались за помощію къ духовной силѣ; пытались достигнуть своихъ цѣлей чрезъ распространеніе въ земляхъ Славянскихъ той вѣры, которую сами исповѣдывали. Такимъ образомъ Паннонія принимала проповѣдниковъ латинства изъ Зальцбурга, Моравія изъ Пассау, Богемія изъ Регенсбурга, завися каждая, въ церковномъ отношеніи, отъ епископа того города, откуда они выходили къ нимъ. Многіе изъ Славянъ, помянутыхъ странъ, дѣйствительно, и приняли христіанство; но, въ понятіяхъ своихъ о вѣрѣ и жизни христіанской, они не многимъ чѣмъ стояли выше тѣхъ, которые оставались въ язычествѣ. Имъ приходилось утолять свою духовную жажду водою мутною. Въ эту пору римская церковь уже теряла свою первобытную чистоту. Внутренняя связь ея съ

Вселенскою Церковію рушилась, хотя внѣшняя еще продолжалась. Многіе изъ коренныхъ догматовъ вѣры въ ней были уже извращены; ученіе, чисто человѣческое, возводилось на степень Божественнаго. Ни слова Божія, ни Богослуженія новообращенные христіане не понимали. То и другое слышали они не иначе, какъ на языкѣ латинскомъ, вовсе имъ непонятномъ. Добрыхъ примѣровъ въ своихъ учителяхъ они также мало видѣли. Этихъ учителей болѣе занимали государственныя домогательства и свои личныя выгоды, чѣмъ ихъ спасеніе. Изъ-за этихъ выгодъ они враждовали между собою сами; изъ-за нихъ заставляли ссориться князей съ князьями, народъ съ народомъ; ради ихъ они часто въ христіанской жизни одобряли то, чего и честный язычникъ не могъ бы одобрить.

Для Славянъ, дорожившихъ свободою совѣсти и гражданскою независимостію, такой порядокъ вещей сдѣлался, наконецъ, невыносимымъ. Между ними родилось желаніе свергнуть съ себя оковы двойнаго рабства, гражданскаго и церковнаго, угрожавшаго имъ въ будущемъ еще бо́льшимъ зломъ.

Въ началѣ второй половины IX столѣтія, въ Славянскихъ земляхъ, особенно были извѣстны три князя: Ро́стиславъ, имѣвшій княженіе въ нынѣшней Моравіи, его племянникъ, Святополкъ, управлявшій, въ зависимости отъ него, тою частію древней Моравіи, которая лежала южнѣе, между нынѣшнею Моравіею и Дунаемъ, и Коцелъ, князь Паннонскій, или Блатенскій, по озеру, близъ котораго находилась столица его Мосбургъ.

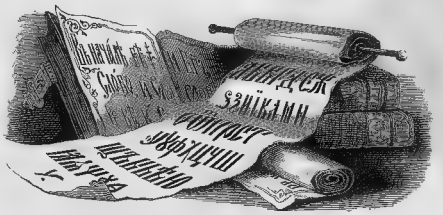
Особенною же славою пользовался Ростиславъ, князь Моравскій, мужественно охранявшій свободу народа своего. Понимая всю невыгоду своей зависимости отъ нѣмцевъ, но и зная, что собственными силами Славяне не могутъ избавиться отъ вліянія опасныхъ сосѣдей, онъ рѣшился, вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ Святополкомъ, искать лучшихъ друзей, которые и нуждамъ ихъ, какъ духовнымъ, такъ и гражданскимъ, вѣрнѣе могли бы помочь, и, въ тоже время, не были бы опасны для нихъ. Такихъ друзей они надѣялись найти въ отдаленной отъ нихъ, православной Византіи. Къ нимъ присоединился и Коцелъ, бывшій до того другомъ нѣмцевъ.

Послѣ взаимныхъ совѣщаній между собою и съ народомъ, въ концѣ 862 года, или въ началѣ 863 г., они отправили къ греческому царю Михаилу общее посланіе слѣдующаго содержанія: «народъ нашъ отвергся язычества и принялъ законъ христіанскій; но мы не имѣемъ такого учителя, который бы, на родномъ нашемъ языкѣ, открылъ намъ истинную вѣру христіанскую, чтобы и другія страны послѣдовали нашему примѣру. — По этому просимъ тебя, державный государь, пришли къ намъ такого

епископа и учителя. Отъ васъ всегда во всѣ страны исходитъ добрый законъ». Пріятно было царю Михаилу такое сближеніе съ нимъ князей Славянскихъ, обѣщавшее многія выгоды и для Церкви православной и для государства греческаго. Распространяя предѣлы и славу Церкви православной, оно, съ тѣмъ вмѣстѣ, открывало для византійскаго государства возможность поставить себя въ болѣе выгодное отношеніе и къ прочему западному краю. — Немедленно былъ созванъ соборъ для необходимыхъ, по этому случаю, совѣщаній. Напередъ можно было угадать — на кого, при этомъ, устремленъ будетъ царственный взоръ. И теперь, какъ и прежде, онъ обращенъ былъ на Боголюбиваго философа, многократными опытами доказавшаго свое усердіе къ царю и св. Церкви. Царь призываетъ его на соборъ, уже изнуреннаго тѣлесными силами отъ тяжкихъ трудовъ, объявляетъ ему о желаніи Славянъ, и говоритъ: «знаю, философъ, что ты слабъ, но нельзя тебѣ не идти къ нимъ. Кромѣ тебя, никто другой не можетъ выполнить ихъ прошенія». Не устрашился труженикъ Христовъ великаго подвига, ему предлагаемаго. Полный вѣры въ силу Божію, совершающуюся въ немощехъ, онъ отвѣтилъ царю: «слабъ, боленъ я, но пойду съ радостію». Одно только условіе онъ прибавилъ къ этому: «если Славяне имѣютъ свою азбуку,» и самъ же объяснилъ смыслъ его, когда царь объявилъ ему, что такой азбуки нѣтъ, что ей искали дѣдъ его, отецъ и многіе другіе (для Славянъ, жившихъ въ Греціи), — и не нашли. «Развѣ можетъ кто-нибудь писать бесѣду на водѣ? или желать прослыть еретикомъ?» говорилъ философъ. Учить безъ помощи письменнаго языка, по выраженію философа, тоже, что писать на водѣ. Такое ученіе и не достаточно и не надежно. Нельзя устно преподать всѣмъ все; нельзя и удержать въ памяти все, преподанное на словахъ, особенно въ той точности и непогрѣшительности, какая требуется при изученіи догматовъ вѣры христіанской. Притомъ, проницательный философъ предвидѣлъ, съ какою завистію прежніе учители Славянъ — латиняне будутъ смотрѣть на труды новыхъ проповѣдниковъ, и съ какимъ безстыдствомъ станутъ разсѣвать ложныя понятія и о нихъ самихъ и о ихъ ученіи. Чтобы проповѣдь сдѣлать вполнѣ плодотворною, чтобы оградить ее отъ клеветъ и извращенія, со стороны людей злонамѣренныхъ, необходимо требовалось заключить ее въ букву. Но гдѣ взять буквы, когда ихъ у Славянъ не было? Вѣра нашла средство устранить и это затрудненіе. «Если ты захочешь, говорили философу царь и родственный соправитель его, Варда, имѣть буквы, то тебѣ не откажетъ въ этомъ Богъ, который подаетъ все просящимъ у него несомнѣнно, и отверзаетъ толкущимъ.» Выслушавъ это, философъ сталъ съ споспѣшниками своими на обычную молитву, и получилъ

СВ. КУ́РІЛЛЪ ПОДНО́СИТЪ ЦАРЮ́ МИХАИ́ЛУ III, ИЗОБРѢТЕ́ННУЮ ИМЪ СЛАВЯ́НСКУЮ А́ЗБУКУ.

то, чего ни царь, ни другой кто не могъ достигнуть. При всесильной помощи Божіей, онъ составилъ азбуку, пользуясь алфавитами извѣстныхъ ему языковъ, и началъ переводить на Славянскій языкъ Евангеліе отъ Іоанна: искони бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога, и Богъ бѣ Слово и проч. Обрадованные видимымъ благословеніемъ Божіимъ святыхъ трудовъ праведника, царь и его совѣтники возблагодарили и прославили Господа.



V.

Азъ изкрáхъ васъ, и положихъ васъ, да вы идете, и плодъ принесете, и плодъ вашъ пребудетъ. Іоан. 15, 16.

О окончаніи нужныхъ для предстоящаго апостольскаго труда приготовленій, св. Кѵріллъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ св. Меѳодіемъ, по волѣ царской, немедленно должны были отправиться въ Моравію. Имъ вручены были многіе дары, назначенные царемъ для Славянскихъ князей, и царское письмо къ моравскому князю Ростиславу, какъ главному, въ то время, представителю юго-западныхъ Славянъ, слѣдующаго содержанія: «Богъ, который повелѣваетъ всякому, дабы въ разумъ истины пришелъ и стремился къ большему и большему совершенству, видя твою вѣру и труды, открылъ, въ наши лѣта, буквы для вашего языка, чтобы и вы причислились къ великимъ народамъ, прославляющимъ Бога на своемъ языкѣ. Того самого святаго, благовѣрнаго, весьма книжнаго мужа и философа, которому Господь открылъ ихъ, мы и посылаемъ къ тебѣ. Прими даръ, большій, честнѣйшій всякаго злата и сребра и каменія драгоцѣннаго и богатства преходящаго; поспѣши, вмѣстѣ съ нимъ, утвердить основаніе вашей рѣчи и позаботиться, чтобы каждый изъ васъ всѣмъ сердцемъ взыскалъ Бога. Веди всѣхъ ко спасенію. Побуждай каждаго не лѣниться, но идти путемъ истиннымъ, чтобы и тебѣ, когда своимъ попеченіемъ приведешь ихъ въ Божій разумъ, получить мзду свою въ семъ вѣкѣ и будущемъ, за всѣ тѣ души, которыя захотятъ увѣровать въ Христа, Бога нашего, отнынѣ и до вѣка, и чтобы сохранить тебѣ память по себѣ въ прочихъ родахъ, подобно Константину, царю великому».

Путь Славянскихъ апостоловъ лежалъ чрезъ Болгарію, которую издавна населяли Славяне же. Христіанство извѣстно было въ этой странѣ еще до покоренія ея Болгарами (678). Не могли совершенно истребить его въ ней и эти подуральскіе выходцы. Частныя обращенія ко Христу не переставали

и при нихъ совершаться въ Болгаріи; особенно умножились они съ 814 г., когда Крумъ, царь ея, взявъ Адріанополь и многіе другіе города, захватилъ въ плѣнъ нѣсколькихъ епископовъ съ множествомъ христіанъ. Эти плѣнники сдѣлались самыми ревностными проповѣдниками Евангелія между своими поработителями; и, въ свою очередь, плѣнили многихъ изъ нихъ въ послушаніе Христу. Не остановило успѣха ихъ и гоненіе, воздвигнутое на дѣло Божіе невѣріемъ. Брошенное ими, святое сѣмя принесло, въ свое время, сторичный плодъ. Въ половинѣ IX вѣка, Христова вѣра окончательно утвердилась въ землѣ болгарской. Борисъ или Богорисъ, царь ея, самъ принялъ св. крещеніе, по чину восточной Церкви, при живомъ участіи въ этомъ греческаго царя Михаила и патріарха Фотія, и народъ свой привлекъ ко Христу (861—65). — Были ль въ этой странѣ св. Кѵріллъ и Меѳодій съ проповѣдью Евангелія, до посольства Ростиславова къ царю Михаилу, какъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые памятники исторіи, или нѣтъ; имѣли ли они вліяніе на духовное возрожденіе ея, до выхода своего въ Моравію, или не имѣли, — во всякомъ случаѣ, оно не могло быть чуждымъ ихъ сердцу, какъ совершавшееся подъ вліяніемъ той Церкви, къ которой они сами принадлежали, и имѣвшее связь съ ихъ ближайшимъ назначеніемъ. Не оказать искренняго сочувствія къ нему, особенно, когда представлялся удобный случай къ этому, они не могли. И потому, дошедши до Болгаріи, они остановились и занялись здѣсь проповѣдью слова Божія. Это была, именно, та пора, когда готовился рѣшительный нравственный переворотъ въ Болгаріи. Трудъ ихъ былъ самый благовременный и благотворный. Высокія умственныя и нравственныя качества ихъ, показывавшія въ нихъ великихъ учителей вѣры, новый, привлекательный пріемъ проповѣди, которую они начинали теперь обученіемъ Славянъ родной грамотѣ, живая, разумная рѣчь ихъ, на родномъ языкѣ, совершеніе Богослуженія на языкѣ понятномъ для всѣхъ, которое они вводили,—все это особеннымъ образомъ дѣйствовало на народъ болгарскій, и оставило въ немъ такое сильное впечатлѣніе, что онъ, по сю пору, наравнѣ съ другими племенами славянскими, благоговѣйно чтитъ память св. братьевъ, какъ единственныхъ своихъ апостоловъ, не рѣдко усвояя имъ, по чувству глубокаго уваженія къ трудамъ ихъ, даже и то, что въ дѣлѣ обращенія къ свѣту Евангелія, другими совершено, напр. крещеніе царя Бориса. А между тѣмъ, проповѣдь св. Кѵрілла и Меѳодія въ Болгаріи, въ это время, во многихъ отношеніяхъ, была полезна и для нихъ самихъ. Здѣсь они заблаговременно могли найти и приготовить себѣ достойныхъ помощниковъ для дальнѣйшаго служенія, могли съ успѣхомъ, при ихъ содѣйствіи, продолжить переводъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ на языкъ Славянскій,

и сдѣлать необходимыя усовершенствованія въ изобрѣтенной ими Славянской письменности, на которыя указывалъ имъ опытъ. Ученые замѣчаютъ, что языкъ церковно-богослужебныхъ книгъ св. Кѵрілла и Меѳодія имѣетъ весьма близкое сходство съ нарѣчіемъ болгарскимъ. Чѣмъ всего естественнѣе объяснить это, какъ не тѣмъ, что св. Кѵріллъ и Меѳодій занимались, на первыхъ порахъ, обработкою языка Славянскаго и переводомъ помянутыхъ книгъ въ Болгаріи, при помощи учениковъ изъ Болгаръ, пользуясь составомъ и формами языка болгарскаго? —

Изъ Болгаріи св. Кѵріллъ и Меѳодій прямо прибыли въ Моравію. По всей вѣроятности, здѣсь уже знали и о ихъ назначеніи въ просвѣтителей этой страны, и о тѣхъ трудахъ, которыми они прославили себя въ разныхъ мѣстахъ, особенно въ Болгаріи. Еще болѣе должно было, съ перваго же раза, обратить здѣсь вниманіе на нихъ царское посланіе, которое они несли къ Ростиславу, свидѣтельствовавшее о ихъ высокомъ нравственномъ достоинствѣ и о томъ, какой безцѣнный даръ они намѣрены передать Славянскому народу. Ростиславъ первый оказалъ имъ высокую честь и глубокое сочувствіе къ ихъ святому дѣлу. Тотъ же часъ, по ихъ прибытіи, онъ собралъ учениковъ, и отдалъ имъ ихъ для обученія. Чѣмъ яснѣе обнаружилось довѣріе князя и народа къ равноапостольнымъ братьямъ, тѣмъ съ бо́льшимъ рвеніемъ они хотѣли оправдать его предъ ними на самомъ дѣлѣ. Явилась живая, разумная проповѣдь слова Божія, открылось понятное для всѣхъ величественное Богослуженіе восточной Церкви. Въ одно и тоже время, св. братья и обучали Славянъ грамотѣ, и продолжали переводить священно-церковныя книги на Славянскій языкъ. Успѣхъ въ святомъ дѣлѣ шелъ быстро впередъ. Въ короткое время, ими переведены были и введены въ употребленіе: вечерня, повечеріе, полунощница, утреня, обѣдня — весь чинъ церковный, и «отверзошася, говоритъ жизнеописатель, по пророческому слову, уши глухихъ услышати книжная словеса и языкъ ясенъ быстъ гугнивымъ». Славяне радовались своему счастію и благодарили Бога. Но на грѣшной землѣ добро всегда борется со зломъ. Страшную борьбу должны были выдержать и просвѣтители Славянскіе, на своемъ апостольскомъ поприщѣ. Князю тьмы не по сердцу былъ, разливаемый ими, свѣтъ. Исконный завистникъ человѣческаго счастія позавидовалъ и ихъ успѣху и, въ лицѣ прежнихъ учителей моравскихъ, открыто возсталъ противъ святаго дѣла, къ соблазну простыхъ душъ. «Не славитеся Богъ новымъ служеніемъ Ему. Если бы оно было угодно Ему, то Онъ могъ бы сдѣлать, чтобы Славяне, съ самаго начала, славили Бога на своемъ языкѣ. Три только въ мірѣ есть языка, на которыхъ можно славить Бога: еврейскій, греческій и латинскій.»

СВ. КѴРІЛЛЪ И МЕѲОДІЙ ОБУЧАЮТЪ СЛАВЯНСКИХЪ ДѢТЕЙ
ГРАМОТѢ.

Такъ говорили латинскіе и нѣмецкіе архіереи, священники и ихъ ученики, которыхъ справедливо св. Кѵриллъ и Меѳодій называли за это трехъ-язычниками или пилатниками, потому что на крестѣ Господнемъ сдѣлана была Пилатомъ надпись на помянутыхъ трехъ языкахъ. Латинскіе учители, съ своими единомышленниками, разсѣвали въ народѣ много и другихъ нелѣпыхъ мыслей, утверждали, напр., что подъ землею живутъ люди съ большими головами, — что всѣ гады созданы діаволомъ, что кто убьетъ змѣю, тому отпустится девять грѣховъ, а кто убьетъ человѣка, тотъ три мѣсяца долженъ пить изъ деревянной чаши, отнюдь не прикасаясь къ посудѣ стеклянной. Не запрещали они, ни приносить жертвы, по языческому обычаю, ни употреблять многоженства и проч. и проч. Равноапостольнымъ братьямъ приходилось вмѣстѣ и стадо Христово благоустроять, и съ врагами Евангельскаго ученія бороться, какъ боролся Давидъ съ иноплеменниками, — съ такими врагами, которые, чѣмъ болѣе ихъ поражали, тѣмъ болѣе выказывали упорства и озлобленія. Не будучи въ состояніи противостать сильному слову защитниковъ правой вѣры, сокрушавшему, въ самомъ основаніи, ихъ ученіе, эти враги рѣшились, наконецъ, обличить ихъ въ неправомысліи и уклоненіи отъ постановленій Церкви, предъ римскимъ первосвященникомъ. Это было въ 867 г., вскорѣ послѣ того, какъ въ Константинополѣ, оскорбленномъ неслыханными притязаніями римскаго первосвященника на незаконную власть надъ всею Церковію, торжественно осудили заблужденія римской церкви, и предали проклятію самого папу Николая. Быть можетъ, клеветники, именно, думали воспользоваться этимъ случаемъ, полагая, что заносчивый, не преклонный папа, въ отмщеніе за свое уничиженіе въ Константинополѣ, всѣми силами своей власти устремится на пришельцевъ константинопольскихъ, распространявшихъ среди Славянъ, которые до того времени принадлежали его церкви, восточное Христіанство, и сокрушитъ ихъ, употребивъ въ орудіе для этого самихъ клеветниковъ.

Но папа Николай, сколько былъ гордъ, столько же и уменъ. Онъ хорошо понималъ изъ тѣхъ же самыхъ доносовъ, что св. братья не послушаютъ его обличеній, — будутъ раскрывать, уже осужденныя такъ гласно, заблужденія римской церкви, среди римскихъ христіанъ, слишкомъ соблазнительно для послѣднихъ, а ему извѣстна была и сила слова ихъ. Помнилъ онъ и то, какъ преданы имъ моравы и болгары, коихъ хлопоталъ Римъ, во чтобы то ни стало, себѣ подчинить. Поспѣшное, открытое преслѣдованіе ихъ еще хуже все дѣло испортило бы, и потому просто онъ вызываетъ св. братьевъ въ Римъ, куда они и отправились, пробывъ три года съ половиною въ Моравіи, не смущаясь впрочемъ папскимъ требованіемъ,

и не думая угождать власти Рима. Оставаясь вѣрными своему призванію и тѣмъ видамъ, которые имѣли на нихъ на востокѣ, отправляя ихъ въ земли Славянскія, они и этотъ папскій зовъ хотѣли обратить въ свою пользу. Имъ нужны были священники; они и взяли съ собою нѣсколько достойныхъ учениковъ, чтобы тамъ облечь ихъ въ священное званіе. Тогда, при начинающемся разладѣ церквей константинопольской и римской, одна церковь могла еще посвящать служителей для другой. Взяли съ собою св. Кѵріллъ и Меѳодій и, переведенныя ими на Славянскій языкъ, священно-церковныя книги, чтобы ими опытно доказать правоту свою на судѣ папскомъ, если это понадобится. Несли съ собою и св. мощи Климента, папы римскаго, во свидѣтельство того, что они хорошо понимаютъ и уважаютъ истинное достоинство епископа римскаго.

Шли св. братья изъ Моравіи въ Римъ, не заставляя папу повторять свое требованіе, но и безъ особенной поспѣшности. Они нашли даже время, на этомъ пути, посѣтить область паннонскаго князя, Коцела, которому такъ понравилась родная грамота, что онъ самъ съ усердіемъ занялся ею, и до 50 учениковъ далъ имъ для обученія ей. Въ знакъ особеннаго, съ своей стороны, уваженія къ св. пѵтникамъ, князь лично проводилъ ихъ въ дальнѣйшій путь. Хотѣлъ и онъ, по примѣру Ростислава, принесть имъ что либо въ даръ отъ себя. Но они не приняли и отъ него, какъ отъ Ростислава, ни серебра, ни золота, ни другой какой вещи; испросили только, по обычаю, отъ того и другаго до 900 плѣнныхъ, и даровали имъ свободу.

Лишь только св. Кѵріллъ и Меѳодій прибыли въ Венецію, какъ снова поднялись на нихъ, будто вороны на соколовъ, латинскіе епископы, священники и монахи, съ своею трехъязычною ересью. «Скажи намъ, говорили они, обращаясь къ св. Кѵріллу, какъ смѣлъ ты придумать для Славянъ книги и учить ихъ по нимъ, когда никто другой, прежде тебя, не дерзнулъ сдѣлать этого: ни Апостолъ, ни папа, ни Григорій Богословъ, ни Іеронимъ, ни Августинъ? Мы знаемъ только три языка, на которыхъ можно славить Бога: еврейскій, греческій и латинскій.»

Напрасно философъ представлялъ имъ сильныя, разумныя доказательства на то, что онъ поступаетъ справедливо, а они заблуждаются. Безъ пользы указывалъ онъ имъ на благость Божію, всѣмъ равно желающую спасенія, — на армянъ, персовъ, грузинъ, готѳовъ и другихъ, кои всѣ славятъ Бога на своемъ языкѣ. Тщетно приводилъ онъ имъ на память слова Давида: пойте Господеви вся земля... вся земля да поклонится, и да поетъ Тебѣ, да поетъ же имени Твоему, Вышній, — слова Спасителя: шедше научите вся языки... вѣровавшимъ знаменія сія будутъ: языки

ПРЕНІЄ СВАТЫ́ХЪ КЎРІАЛА И МЕѲО́ДІА ВЪ ВЕНЕ́ЦІИ, СЪ ЛАТИНСКИМЪ ДУХОВЕНСТВОМЪ
Ѡ СВѢ́ТОСТИ БОГОСЛУЖЕНІА И НА СЛАВЯ́НСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

ТОРЖЕСТВЕННАЯ ВСТРѢЧА СВ. КѸРІЛЛА И МЕѲОДІЯ ВЪ РІМѢ, СЪ МОЩАМИ СВ. КЛИМЕНТА.

возглаголютъ новы, — обличеніе, произнесенное Господомъ на фарисеевъ и книжниковъ, которые сами въ царство Божіе не входили, и другимъ не позволяли входить въ него, — слово Апостола Павла: аще не благоразумно слово дадите, како уразумѣется глаголемое?... Братіе моя, ревнуйте еже пророчествовати, и еже глаголати языки не возбраняйте (1 Кор. XIV, 9. 39). Что ни говорилъ защитникъ праваго дѣла, ничто не помогло. Такъ онъ, въ душевной скорби, и оставилъ заблуждшихъ.

Зато просвѣтители Славянъ утѣшены были особеннымъ вниманіемъ къ себѣ Рима. Еще были они въ пути, какъ явилось къ нимъ почетное посольство отъ папы; а когда достигли Рима, — самъ новопоставленный, на мѣсто, недавно умершаго, Николая, папа Адріанъ II-й, изъ благоговѣнія къ св. останкамъ Священномученика Климента, которые они несли съ собою, вышелъ на встрѣчу имъ со свѣчами, въ сопровожденіи всѣхъ римскихъ гражданъ. Какъ бы для торжественнаго оправданія апостоловъ Славянскихъ въ взнесенныхъ на нихъ клеветахъ, и во свидѣтельство, предъ цѣлымъ Римомъ, чистоты ихъ вѣры и Богоугодности подвиговъ, на мѣстѣ самой встрѣчи, уже и начали истекать чудеса отъ св. мощей: въ виду всѣхъ, въ короткое время, исцѣлилось множество разнаго рода больныхъ. Даже плѣнные, призывавшіе имя св. Климента, невидимою силою, освобождались изъ плѣна. Принявъ благоговѣйно честныя мощи Священномученика, папа съ уваженіемъ принялъ отъ святыхъ пришельцевъ и Славянскія книги. Самъ онъ и освятилъ ихъ и положилъ въ церкви св. Маріи, называемой Фантъ, гдѣ по нимъ отправлена была и литургія. — Нашлись и въ Римѣ защитники трехъязычной ереси, которые осуждали Славянское Богослуженіе, какъ введеніе богопротивное. Папа сильно возсталъ противъ этихъ пилатниковъ, какъ онъ ихъ назвалъ, и повелѣлъ одному епископу, зараженному тою же болѣзнію, произнесть проклятіе на нихъ. Не отвергъ онъ и ходатайства св. Кирілла и Меѳодія о посвященіи нѣкоторыхъ изъ ихъ учениковъ въ церковныя должности. По его приказанію, епископы Формозъ и Гвардихъ, иначе Гавдерикъ, трехъ изъ нихъ посвятили во священника, а двухъ въ чтеца. Вмѣстѣ съ этимъ, начался цѣлый рядъ литургій на Славянскомъ языкѣ, въ разныхъ церквахъ. Въ день означеннаго посвященія, она совершена была въ церкви св. Петра, гдѣ лежало и Славянское Евангеліе на алтарѣ; на завтріе — въ церкви св. Петрониллы, потомъ въ церкви св. Андрея, а въ заключеніе, ночью, въ церкви великаго учителя языковъ, Апостола Павла, надъ гробомъ его. Послѣднюю службу совершали, между прочимъ, одинъ изъ 7 главныхъ епископовъ Рима, Арсеній, и, извѣстный ученый, врагъ Фотіевъ, Анастасій библіотекарь. Всѣ эти службы отправлялись, конечно,

для бо́льшей торжественности; какую хотѣли придать въ Римѣ описываемому случаю. А, между тѣмъ, какой поучительный урокъ онѣ внушали и совершавшимъ ихъ и другимъ!.

Какъ будто бы кто хотѣлъ напомнить чрезъ нихъ немиролюбивому Риму: сѐ что добро, или что красно, но еже жити братіи вкупѣ! — что всѣ народы — и тѣ, коихъ просвѣтилъ Евангельскою проповѣдью Апостолъ Павелъ, и тѣ, коихъ обратилъ ко Христу св. Апостолъ Петръ, и Славяне, къ которымъ приходилъ съ Евангеліемъ Апостолъ Андрей, — всѣ они составляютъ одно стадо Божіе, питающееся росою благодати Господней, въ которомъ, по этому, не должно быть ни распрей, ни раздѣленій, — ничего, противнаго любви Христовой...

Зная, какъ велико было на западѣ предубѣжденіе противъ совершенія Божественной службы на другихъ языкахъ, кромѣ еврейскаго, греческаго и латинскаго; понимая отношенія Рима къ Константинополю, въ описываемое время, и тѣ притязанія, какія имѣли папы теперь и послѣ на западныхъ Славянъ, можно положительно сказать, что благосклонность, съ которою приняли въ Римѣ просвѣтителей Славянскихъ, была только видимая. За всѣмъ тѣмъ, она принесла благотворное дѣйствіе, въ отношеніи къ послѣднимъ. Она заставила затихнуть, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, ихъ противниковъ, усугубила довѣріе къ нимъ Славянъ, смущенныхъ ихъ врагами, и въ самомъ Римѣ обратила вниманіе многихъ, какъ на нихъ самихъ, такъ и на труды ихъ. Многіе изъ римлянъ приходили къ философу для того только, чтобы посмотрѣть на книги Славянскія, узнать отъ него о народѣ, съ которымъ онъ имѣлъ дѣло, и о тѣхъ плодахъ, какіе приноситъ Евангельская проповѣдь этому народу, на его родномъ языкѣ. Даже римскіе евреи приходили къ нему, и поучались отъ него. Одинъ еврей вздумалъ вступить съ нимъ въ состязаніе и увѣрять его, будто бы, по самому счету лѣтъ, заключающемуся въ священныхъ книгахъ, слѣдуетъ заключить, что Мессія еще не пришелъ. Философъ, тщательно высчитавъ годы по родамъ, начиная отъ Адама, доказалъ ему, что протекло уже слишкомъ 800 лѣтъ, какъ исполнилось это вожделѣннѣйшее для всего міра событіе.

Все теперь радовало въ Римѣ апостоловъ Славянскихъ, и за все, въ восторгѣ сердца, вмѣстѣ съ учениками своими, они возносили хвалу и благодареніе Господу. Но — увы! среди этой радости, какъ тать, кралась къ нимъ страшная скорбь, поразившая, наконецъ, всею тяжестію своею св. ихъ общество.

Постоянныя, усиленныя занятія св. философа, съ самыхъ раннихъ лѣтъ его жизни, давно уже ослабили его тѣлесныя силы, и безъ того не очень

ПА́ПА АДРІА́НЪ И ВОЗЛАГА́ЕТЪ НА СВ. ПРЕСТО́ЛЪ ПЕРЕВЕДЕННЫЯ СВ. КЎРІЛЛОМЪ И МЕ҃ѲО́ДІЕМЪ БОГОСЛУЖЕ́БНЫЯ СЛАВЯ́НСКІЯ КНИ́ГИ.

крѣпкія. Апостольскіе труды среди Славянъ еще болѣе разстроили ихъ! Въ Римѣ онъ скоро почувствовалъ въ себѣ болѣзнь уже смертную. — Что было въ душѣ ревностнаго поборника славы Божіей, когда онъ боролся со смертію, не зная гдѣ и какой будетъ конецъ, такъ счастливо начатыхъ имъ, спасительныхъ трудовъ!.. И теперь, какъ всегда, онъ всецѣло предавалъ себя и свои труды Господу. Однажды, когда уже протекло много дней его болѣзни, удостоившись нѣкотораго утѣшительнаго видѣнія, онъ вдругъ началъ пѣть псаломъ Давидовъ: возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень пойдемъ. Съ этимъ вмѣстѣ, облекся въ лучшія свои одежды, и цѣлый день провелъ въ нихъ, радуясь о Господѣ. Наконецъ, сказалъ: «отселѣ нѣсмь азъ, ни царю слуга, ни иному кому на земли, но токмо Богу-Вседержителю», и, въ слѣдующій же день, утромъ, въ знакъ совершеннаго отреченія отъ міра, принялъ схиму. Между тѣмъ, нить его жизни все слабѣла и слабѣла. Чрезъ 50 дней, по постриженіи, онъ почувствовалъ, что приспѣло уже время отшествія его отъ сей жизни. Часъ его, уреченный Господомъ, насталъ... а съ тѣмъ вмѣстѣ, открылась и вся полнота его любви къ духовнымъ чадамъ своимъ, о спасеніи коихъ онъ, и въ страшныя минуты смерти, не переставалъ отечески заботиться. Провидя духомъ судьбу Славянъ, со всѣхъ сторонъ окруженныхъ хищными волками, онъ, въ послѣдній разъ, воздѣваетъ праведныя руки свои къ небу, и слезно умоляетъ Господа, чтобы Онъ сохранилъ это вѣрное свое стадо, избавилъ его отъ безбожныя злобы, отъ всякаго многорѣчиваго и хульнаго еретическаго языка, — погубилъ трехъязычную ересь, возрастилъ Церковь Свою, всѣхъ призвалъ къ единодушію и единомыслію въ вѣрѣ, вдохнулъ во всѣхъ слово Своего ученія... «Еже мнѣ бѣ далъ, говорилъ онъ, яко Твое, и Тебѣ предаю я. Устрой сильною твоею десницею, покрый я кровомъ крилу твоею, да вси хвалятъ и славятъ имя Твое, Отца и Сына и Св. Духа во вѣки». Не забылъ онъ и сотрудниковъ своихъ. Всѣхъ ихъ облобызалъ онъ лобзаніемъ святымъ, всѣмъ имъ молитвенно пожелалъ Божіей помощи избавиться отъ ловитвы враговъ ихъ. Особенно трогательно было его послѣднее слово къ брату своему, съ которымъ онъ, отъ юности своей, дѣлилъ и скорби и радости, и трудъ и покой, и на котораго возлагалъ теперь всю надежду въ благомъ дѣланіи. Се братѣ, говорилъ онъ ему съ смертнаго одра своего, супруга бяховѣ, едину браздy тяжуща. И азъ на лехѣ падаю, свой день скончавъ. А ты любишь гору (Олимпъ) вельми, то не мози горы ради оставити ученія своего!.. *)

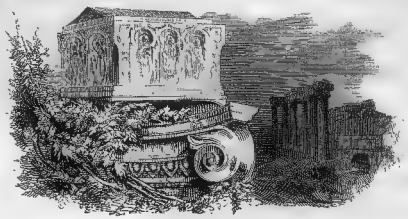
*) Т. е. мы были съ тобою, братъ, какъ пара воловъ, одну ниву воздѣлывающихъ. И вотъ я падаю на браздѣ, окончивъ день свой, и проч.

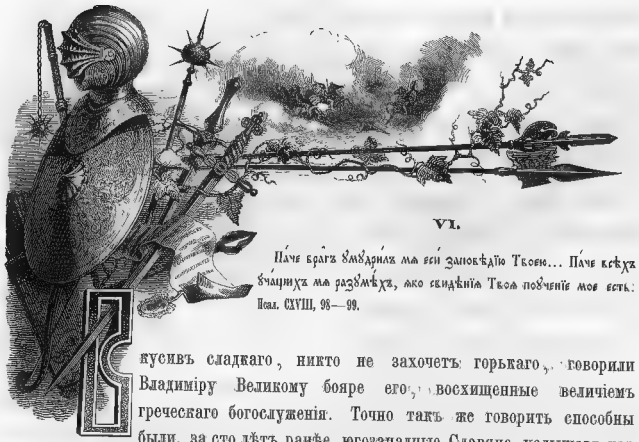
Съ такими святыми чувствами, мирно отшелъ ко Господу вѣрный дѣлатель въ дому Его, на 42 году своей жизни, въ 14-й день Февраля, 869 года.

Рановременная кончина Христова философа причинила тяжкую потерю не только ближайшимъ сотрудникамъ его, но и всей Церкви Православной. Въ немъ лишилась она одного изъ самыхъ даровитыхъ и ревностныхъ учителей и защитниковъ вѣры святой. Даже своекорыстный Римъ не могъ не замѣтить въ немъ мужа дивнаго, и по уму и по святости жизни, и не воздать, по крайней мѣрѣ, видимо должной дани признательности къ его великимъ трудамъ. Папа Адріанъ какъ бы забылъ на время свои враждебныя отношенія къ Восточной Церкви, и почтилъ память неустрашимаго поборника ея чистоты, какъ могъ почтить ее только истинный пастырь Христовъ и достойный преемникъ св. Петра. По его распоряженію, ко гробу почившаго угодника Божія, должны были предстать всѣ и греки, бывшіе тогда въ Римѣ, и римляне; пѣть надъ нимъ погребальныя пѣсни со свѣчами, и проводить его въ жилище вѣчнаго покоя, съ полною торжественностію, какъ бы проводили они самого папу. Всякое усердіе къ нему было принято папою, какъ дѣло истинно Богоугодное. — Св. Меѳодій объявилъ папѣ, что ихъ мать заклята, чтобы тотъ изъ нихъ, кто переживетъ другаго, непремѣнно перенесъ отшедшаго ко Господу въ свой монастырь. Адріанъ такъ и велѣлъ-было сдѣлать. Для этого, по его же приказанію, гробъ почившаго поставленъ былъ въ особый ящикъ и забитъ гвоздями. По истеченіи 7 дней, послѣ того, когда все еще шли приготовленія къ пути, римскіе епископы стали просить папу оставить мощи Святаго въ Римѣ. «Послѣ многихъ путешествій по разнымъ странамъ, говорили они, Господь привелъ его, наконецъ, въ Римъ; здѣсь и взялъ душу его. Приличнѣе ему, какъ мужу честному, и покоиться здѣсь же». Принялъ папа и эту просьбу, изъявивъ желаніе бо́льшее сдѣлать. «Если такъ, отвѣчалъ онъ епископамъ, то изъ уваженія къ святости почившаго и изъ любви къ нему, я, преступивъ обычай римскій, погребу его въ моемъ собственномъ гробѣ, въ церкви св. Петра.» — Ясно открывалось изъ всего этого, что самъ Господь избиралъ Римъ въ мѣсто вѣчнаго упокоенія для св. пришельца съ востока, дабы онъ, и по смерти своей, не переставалъ обличать его въ уклоненіи отъ чистоты первобытной Церкви Христовой, оставаясь вмѣстѣ предстателемъ предъ нимъ о новообращенныхъ чадахъ своихъ въ земляхъ Славянскихъ, смущаемыхъ козними вражіими. Св. Меѳодій понялъ намѣреніе Божіе, и оставилъ прежнее свое желаніе; но, чтобы, съ одной стороны, сдѣлать доступнѣе святыню для истинныхъ чтителей ея, а съ другой, отклонить отъ ней земное величіе, котораго избѣгалъ при жизни

СВ. КѴ́РІЛЛЪ НА СМЕРТНОМЪ ОДРѢ ОУМОЛЯ́ЕТЪ БРА́ТА СВОЕГѠ́ МЕѲО́ДІѦ, НЕ ПОКИДА́ТЬ СЛАВА́НЪ.

смиренный слуга Христовъ, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, очевиднѣе показать намѣреніе Божіе о ней, онъ рѣшился просить папу положить честные останки кровнаго сотрудника своего не въ гробѣ папскомъ, а въ храмѣ св. Климента, съ мощами котораго они подвязались въ проповѣданіи Евангелія и въ Римъ пришли. Папа и на это охотно согласился. По его повелѣнію, немедленно собрались епископы, иноки и народъ и, съ подобающей честію, проводили св. останки до означенной церкви. При этомъ, Господу угодно было земныя почести, достойно оказанныя усопшему праведнику, запечатлѣть знаменіемъ Своей силы. Въ храмѣ, епископы хотѣли посмотрѣть, не похищена ли какая часть отъ его св. мощей. Но, сколько ни усиливались, не могли вынуть гвоздей, которыми былъ заколоченъ гробъ. Такъ, съ ящикомъ вмѣстѣ, и поставили они гробъ, по правую сторону алтаря. — Вскорѣ гробъ Святаго сдѣлался источникомъ многоразличныхъ чудесъ и дарованій Божіихъ. Чѣмъ болѣе обнаруживалась сила благодати, которую стяжалъ на небѣ угодникъ Божій, тѣмъ болѣе возрастало благоговѣніе къ нему. Римляне поставили на гробѣ икону его, и, день и ночь, возжигали елей предъ ней, воздавая хвалу Богу, прославляющему прославляющихъ Его. — Давно погасла священная лампада эта; давно скрылся отъ очей вѣрующихъ и самый гробъ Славянскаго Апостола, покрытый камнями распавшагося храма, въ которомъ, за 1,000 лѣтъ, онъ поставленъ былъ! Но любовь къ великому учителю не угасла. Въ настоящее время, явилось у нѣкоторыхъ благочестивое желаніе возстановить древній храмъ св. Климента въ Римѣ, и почти уже весь онъ очищенъ отъ мусора. Быть можетъ, скоро снова откроется для насъ завѣтный гробъ св. Кѵрілла и снова будетъ теплиться священная лампада предъ нимъ, возжигая вѣру и любовь Христову въ благоговѣйно покланяющихся ему...:





VI.

Па́че бра́гъ ѹмѹдри́лъ мѧ еси́ заповѣдїю Твоею... Па́че всѣхъ ѹча́щихъ мѧ разѹмѣ́хъ, ѧко свидѣнїѧ Твоѧ поѹченїе мое есть. Псал. CXVIII, 98—99.

Вкусивъ сладкаго, никто не захочетъ горькаго, говорили Владиміру Великому бояре его, восхищенные величіемъ греческаго богослуженія. Точно такъ же говорить способны были, за сто лѣтъ ранѣе, югозападные Славяне, услышавъ изъ устъ св. Кѵрілла и Меѳодія хвалу Богу на родномъ своемъ языкѣ. Вкусивъ этой сладости, они еще болѣе почувствовали отвращенія къ ненавистной имъ латини, и уже никакъ не хотѣли разстаться съ тѣмъ даромъ, который принесли имъ св. братья. — По отшествіи послѣднихъ въ Римъ, въ 867 г., Моравію постигло страшное бѣдствіе. Въ 868 г. возгорѣлась упорная война между нею и нѣмцами. Въ 869 г. эта война приняла огромные размѣры. Нѣмецкій король Людовикъ, разомъ, съ трехъ сторонъ, двинулъ противъ Ростислава силы свои, предводительствуемыя тремя сыновьями его. Разграбленію, опустошенію, убійствамъ не было границъ. Кто спасался отъ смерти, тотъ подвергался узамъ плѣна. Эти бѣдствія заставили Славянъ, на нѣкоторое время, отклонить взоръ отъ своихъ Апостоловъ, но отнюдь не погасили въ нихъ любви къ нимъ и желанія продолжить начатое ими св. дѣло. Лишь только въ 870 г., мужественный Ростиславъ одержалъ верхъ надъ нѣмцами, и тѣмъ ослабилъ ихъ вліяніе на Славянъ, какъ Коцелъ, невольный до того слуга, болѣе его сильныхъ, сосѣдей, спѣшитъ отправить къ папѣ Адріану посольство, съ просьбою — отпустить къ нему апостоловъ Славянскихъ. Это посольство уже не застало въ живыхъ св. Кѵрілла. Къ сожалѣнію, такому отрадному стремленію князя не соотвѣтствовала чистота тѣхъ видовъ, съ которыми папа рѣшился принять участіе въ его просьбѣ. Папа съ болѣзнію сердца смотрѣлъ на зависимость панноно-моравскихъ христіанъ отъ нѣмецкаго духовенства, но и не смѣлъ прямо домогаться подчинить ихъ себѣ, опасаясь столкновеній

съ нѣмецкими властителями. Теперь онъ узналъ, что это препятствіе, само собою, рушилось. Славяне одержали блистательную побѣду надъ своими сосѣдями, и готовы были окончательно свергнуть съ себя ихъ вліяніе, какъ въ гражданскомъ, такъ и въ церковномъ отношеніи. Этимъ случаемъ папа и пользуется для достиженія своихъ цѣлей, при посредствѣ предлагаемаго ему участія въ религіозномъ движеніи Славянъ, — и немедленно отправляетъ св. Меѳодія въ Панноніо, предлагая князю Коцелу бо́льшія услуги, нежели какихъ онъ ожидалъ отъ него, — извѣщая его, что онъ — папа — не ему одному, а всѣмъ странамъ тѣмъ посылаетъ учителя отъ Бога и отъ св. Апостола Петра, перваго намѣстника и ключедержца царствію небесному. Независимо отъ этого, папа отправилъ съ св. Меѳодіемъ общее посланіе ко всѣмъ князьямъ панноно-моравскимъ, такого содержанія:

«Адріанъ, епископъ, рабъ рабовъ Божіихъ, князьямъ Ростиславу, Святополку и Коцелу: слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе; потому что мы слышали о вашемъ духовномъ преспѣяніи, котораго усильно домогались мы молитвою и желаніемъ, вашего ради спасенія, а именно, слышали, какъ Господь воздвигъ сердца ваши искать Его, и показалъ вамъ, что не только вѣрою, но и добрыми дѣлами должно служить Богу, ибо вѣра безъ дѣлъ мертва, и тѣ отпадаютъ отъ ней, которые думаютъ, что они знаютъ Бога, а дѣлами отметаются Его. Вы просили себѣ учителя, не только у сего апостольскаго престола, но и у благовѣрнаго царя Михаила, который, прежде нежели мы успѣли исполнить просьбу вашу, послалъ къ вамъ блаженнаго философа, Константина, съ братомъ его, Меѳодіемъ. Они же, узнавъ, что страны ваши принадлежатъ нашему престолу, ни въ чемъ не преступили каноны, но къ намъ пришли, съ мощами св. Климента папы. Исполнившись чрезъ это сугубой радости, мы разсудили, посвятивъ, по надлежащемъ испытаніи, въ священныя должности благочестиваго сына нашего Меѳодія и учениковъ его, послать въ страну вашу сего мужа, совершеннаго разумомъ и правовѣріемъ, чтобы онъ преподалъ вамъ все нужное, перевелъ, согласно прошенію вашему, на языкъ вашъ весь кругъ церковныхъ службъ, съ святою литургіей и крещеніемъ, чему положилъ уже начало Константинъ философъ, при помощи благодати Божіей и молитвъ св. Климента. Если и другой кто способенъ будетъ достойно и правовѣрно переводить священныя книги на языкъ вашъ, — и его трудъ да будетъ святъ и благословенъ отъ Бога и отъ насъ и отъ всей каѳолической, апостольской Церкви, дабы вы удобнѣе могли научиться заповѣдямъ Божіимъ. Одного только держитесь обычая, чтобы на литургіи, сперва, читаемы были Апостолъ и Евангеліе по-римски, а потомъ по-славянски, дабы такимъ образомъ исполнилось слово

писанія: яко восхвалятъ Господа вси языцы; и еще: вси возглаголютъ языки различными величія Божія, якоже дастъ имъ Духъ Святый. Если же кто изъ находящихся у васъ учителей, увлекаясь разными слухами и пустыми баснями, дерзнетъ учить васъ по своему, охуждая книги языка вашего, таковой да будетъ отлученъ, по суду церковному, доколѣ не исправится, ибо такіе люди суть волки въ одеждахъ овчихъ, которыхъ нужно распознавать по дѣламъ ихъ, и отъ нихъ охраняться. Вы же, чада возлюбленныя, послушайте ученія Божія, и не отриньте наказанія церковнаго, что бы вамъ быть истинными поклонниками Божіими и чадами Отца нашего небеснаго со всѣми Святыми. Аминь».

Посланіе замѣчательное! По видимому, папа касается въ немъ разныхъ предметовъ, а въ сущности, говоритъ онъ одно: «князья! Оставьте вашихъ прежнихъ пастырей, обратитесь ко мнѣ. Вы просили у насъ учителей прежде, нежели византійцы успѣли оказать вамъ эту услугу. Вы сами желали быть нашими чадами. Не отказывайтесь же теперь быть въ нашемъ распоряженіи. Присланные къ вамъ учители, узнавъ, что ваши страны принадлежатъ нашему престолу, не преступили церковнаго канона; къ намъ пришли. Слѣдуйте и вы ихъ примѣру. Вамъ хочется, чтобы Божественная служба совершалась у васъ на вашемъ языкѣ. Снисходимъ вашему желанію. Но помните, что истинное служеніе Богу есть служеніе римское, къ которому вы должны стремиться. Читая Апостолъ и Евангеліе на литургіи по-славянски, читайте ихъ непремѣнно и по-латинѣ, — и прежде по-латинѣ. Охуждающихъ Богослуженіе на Славянскомъ языкѣ мы отлучаемъ. Это ваши прежніе учители. Они — волки въ овечьихъ одеждахъ, потому что, исповѣдуя римскую вѣру, не заботятся о Римѣ. Бѣжите отъ нихъ. Идите къ истинному вашему пастырю, въ Римъ». Таковъ истинный смыслъ папскаго посланія къ князьямъ Славянскимъ! И чего не дѣлаетъ папа, чтобы уловить ихъ въ свои сѣти! То ангельскою пѣснію славословитъ онъ Бога за любовь ихъ къ благочестію, то старается увѣрить ихъ въ своемъ всегдашнемъ желаніи имъ спасенія. Одно придумываетъ онъ отъ себя, вопреки исторической истинѣ, другому даетъ видъ иной, или представляетъ двусмысленнымъ, третье — искусно обходитъ: говоритъ о посольствѣ царемъ Михаиломъ св. братьевъ солунскихъ въ Моравію, но о Фотіѣ, дѣятельномъ участникѣ въ этомъ дѣлѣ, который противился незаконнымъ домогательствамъ Рима, и помину нѣтъ.

Какими глазами, при другихъ обстоятельствахъ, посмотрѣли бы князья Славянскіе на св. Меѳодія, обращаемаго папою въ орудіе порабощенія ихъ новому игу? Но они уже имѣли случай прежде достаточно убѣдиться въ чистотѣ намѣреній его. Ковы Рима не ослабили ихъ довѣрія къ нему. Коцелъ

принялъ св. учителя своего съ полною радостію, и готовъ былъ оказать ему всякую честь. Недовольный тѣмъ, что папа прислалъ его въ Паннонію простымъ священникомъ, онъ снова отправилъ его въ Римъ, въ сопровожденіи 20 мужей, прося папу посвятить его въ санъ епископа. А чтобы удобнѣе склонить папу на свою просьбу, онъ представилъ и основаніе, — почему предлагаетъ ему ее. По свидѣтельству мѣстнаго преданія и исторіи, первымъ насадителемъ христіанства и первымъ епископомъ въ странахъ придунайскихъ былъ св. Андроникъ, одинъ изъ 70 апостоловъ. Эту каѳедру князь и просилъ папу возстановить, посвятивъ въ епископа Панноніи св. Меѳодія. Какъ ни шатко основаніе это, потому что, если и былъ св. Андроникъ епископомъ въ придунайскихъ странахъ, то вовсе не у Славянъ, которые поселились здѣсь гораздо позже, но папа охотно принялъ его, находя его полезнымъ и для своихъ цѣлей. Опираясь на немъ, онъ смѣлѣе могъ домогаться причисленія Славянскихъ областей къ достоянію Петрову, особенно, когда онѣ освободились бы отъ нѣмецкой зависимости. Такимъ образомъ просьба Коцела была безпрекословно исполнена. Папа посвятилъ св. Меѳодія въ епископа Панноніи, даровавъ ему право благоустроять паству свою, независимо отъ всякой другой духовной власти.

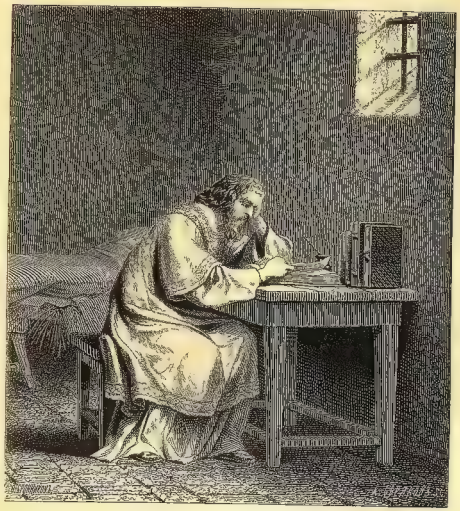
Прибывъ въ Паннонію, св. Меѳодій постоянно памятовалъ о предсмертной просьбѣ къ нему блаженнаго Кирилла, и продолжалъ въ новомъ санѣ трудъ свой съ рвеніемъ истиннаго пастыря Христова. Число духовныхъ чадъ его быстро умножалось. Увлекаемые духовною сладостію Богослуженія на родномъ понятномъ языкѣ, Славяне съ восторгомъ спѣшили въ тѣ храмы, въ которыхъ оно совершалось. Латинскія церкви опустѣли.

VII.

Се грѣшницы налѧкоша лꙋкъ, ꙋготоваша стрѣлы въ тꙋлѣ, состреляти во мрацѣ правыѧ сердцемъ. Зане ѧже ты совершилъ еси, они разрꙋшиша Псал. X, 2. 3.

Злостраждꙋ даже до ꙋзъ, но слово Божїе не вѧжется. Сего ради всѧ терплю о избранныхъ ради, да и тїи спасенїе ꙋлꙋчатъ, еже о Христѣ Їисꙋсѣ. 2 Тим. II, 9. 10.

Но недолго веселился св. пастырь о чадѣхъ своихъ. Исконный врагъ всякаго добра воздвигъ на Славянъ страшную бурю, а съ тѣмъ вмѣстѣ постигли и его тяжкія испытанія. Мужественный Ростиславъ выданъ былъ нѣмцамъ, какъ измѣнникъ, племянникомъ своимъ, Святополкомъ, не желавшимъ быть въ зависимости у своего дяди, и сперва на сеймѣ въ Регенсбургѣ осужденъ былъ на смерть, а потомъ, по лишеніи глазъ, заключенъ въ одинъ изъ нѣмецкихъ монастырей. Святополкъ же, опозорившій себя такимъ безчестнымъ поступкомъ, не только въ глазахъ Славянъ, но и самихъ нѣмцевъ, долженъ былъ достигнуть желанной власти не иначе, какъ сдѣлавшись напередъ усерднымъ слугою послѣднихъ. Моравія съ Панноніею снова подверглись тяжкому вліянію сосѣдей. При этомъ, съ особенною силою, обнаружилось и то озлобленіе, съ которымъ нѣмецкое духовенство, въ земляхъ Славянскихъ, переносило свою зависимость отъ чуждаго ему епископа. Пользуясь печальнымъ положеніемъ Моравіи, оно открыто возстало противъ своего пастыря, и, что еще прискорбнѣе, при участіи того же самаго Святополка, который прежде казался искреннимъ другомъ его. «Ты учишь въ нашей области», обличали они Святителя, составивъ беззаконный соборъ противъ него. — «Не я, а вы поступаете вопреки церковнымъ законамъ», кротко отвѣчалъ онъ имъ, и, какъ пастырь, совѣтовалъ имъ блюстись, чтобы не напрасенъ былъ трудъ ихъ — костянымъ черепомъ пробивать желѣзную гору. Завистники угрожали ему смертію. Но пастырь Христовъ безбоязненно отвѣчалъ имъ на это: «истину говорю предъ царями, и не стыжусь; творите волю вашу на мнѣ, ибо я не лучше тѣхъ, которые, за исповѣданіе правды, многими муками окончили жизнь».



СВ. МЕѲОДІЙ ВЪ ШВАБСКОЙ ТЕМНИЦѢ, ЗА ПРАВОСЛАВНОЕ ПРОПОВѢДАНІЕ СЛОВА БОЖІА НА СЛАВЯНСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Все это происходило въ присутствіи Святополка, который не постыдился даже обратить въ шутку такое уничиженіе своего пастыря. «Не утруждайте моего Меѳодія, сказалъ онъ послѣ пренія, ибо уже онъ, какъ бы близъ печи трудившійся, весь покрытъ потомъ.» Хорошо отвѣтилъ ему на это исповѣдникъ св. истины! Онъ сказалъ: «нѣкогда народъ, встрѣтя покрытаго потомъ философа, спросилъ его: отъ чего ты весь въ поту?» — «Препирался я съ грубою чадію,» отвѣтилъ философъ.

Собранные разошлись, но не прекратили своихъ враждебныхъ отношеній къ св. Меѳодію. Вынужденные возвратиться въ отечество, какъ лишніе среди Славянъ, они оклеветали его предъ Людовикомъ и сыномъ его Карломаномъ. Эти потребовали его на судъ къ себѣ, и потомъ послали въ Швабію, гдѣ онъ 2 года съ половиною томился въ темничномъ заключеніи. Кто возстанетъ ми на лукавнующыя! Или кто предстанетъ ми на дѣлающыя беззаконіе, взывалъ нѣкогда Давидъ, преслѣдуемый врагами? И потомъ продолжалъ: аще не Господь помоглъ бы ми, вмалѣ вселилася бы во адъ душа моя (Пс. XCIII, 16. 17.). Положеніе св. Меѳодія, во время темничныхъ томленій его, вполнѣ соотвѣтствовало положенію невинно гонимаго царственнаго Пророка. Кромѣ Бога, не было утѣшителя у него. Византія, по своей отдаленности, по своимъ домашнимъ смятеніямъ и тогдашнимъ отношеніямъ къ нѣмецкимъ землямъ, не могла вступиться за него. Князья Славянскіе, если бы и хотѣли принять живое участіе въ немъ, находясь въ это время въ распоряженіи своихъ сосѣдей, не смѣли и думать объ этомъ; Святополкъ же, какъ замѣчено выше, изъ угожденія своимъ повелителямъ, даже, болѣе или менѣе, содѣйствовалъ уничиженію своего учителя. Могъ оказать святому страдальцу помощь папа, столько оказавшій прежде вниманія къ нему. Но, во первыхъ, не о всемъ, что происходило у Славянъ съ нѣмцами, онъ могъ знать во время, а во вторыхъ, и не въ его духѣ было, въ подобныхъ случаяхъ, вмѣшиваться въ чужія дѣла: онъ принималъ участіе въ просвѣтителѣ Славянскомъ тогда лишь, когда надѣялся достигнуть чрезъ это своихъ частныхъ видовъ, не ссорясь съ нѣмцами. Такимъ образомъ папа Адріанъ, отъ начала страданій св. Меѳодія до конца своей жизни, такъ велъ себя, по отношенію къ событіямъ, происходившимъ въ земляхъ Славянскихъ, какъ будто бы онъ вовсе не зналъ о нихъ. Уже Іоаннъ VIII, замѣчая, что Славяне снова берутъ верхъ надъ нѣмцами, и опасаясь, чтобы и они не сдѣлали того же, что сдѣлали приадріатическіе сербы и хорваты, покорившіеся въ 872 г. византійскому государю и патріарху, вспомнилъ о св. узникѣ, и сталъ дѣйствовать въ пользу его, и то очень-очень осторожно: сперва отправилъ онъ посла въ Германію и Паннонію, съ особеннымъ, по этому случаю, наставленіемъ, для разузнанія, —

за что именно осужденъ св. Меѳодій, и для увѣренія, непокорнаго папѣ, нѣмецкаго духовенства, что Панноніи принадлежитъ папскому престолу, и написалъ о томъ же письмо къ Людовику, королю нѣмецкому. Потомъ уже, когда ни посольство, ни ходатайство предъ королемъ не имѣли успѣха, а Славяне, между тѣмъ, брали рѣшительный перевѣсъ надъ нѣмцами, онъ вступился прямо за св. Меѳодія, а, можетъ быть, скорѣе за свою честь, наложилъ запрещеніе на нѣмецкое духовенство, доколѣ не будетъ онъ выпущенъ изъ темницы.

Въ слѣдствіе ли папскаго запрещенія, или по другому какому побужденію, наконецъ, въ 874 г. св. узнику дарована была свобода, и онъ возвратился въ Панноніи. Но его скорби не кончились этимъ. Нѣмецкое духовенство и теперь, какъ и прежде, пылало злобою противъ него, грозя Коцелу, что если онъ будетъ держать его у себя, то не пройдетъ и ему это даромъ. Не вразумилъ его и судъ Божій, поразившій, за такое озлобленіе на праведника, четырехъ епископовъ зальцбургской митрополіи, а именно, внезапная смерть ихъ, почти въ одно время. Вліяніе его на церковныя дѣла Панноніи все болѣе и болѣе усиливалось. Св. Меѳодію ничего болѣе не оставалось, какъ удалиться отъ зла.

Къ счастію, въ то время, какъ въ Панноніи брало перевѣсъ латинство надъ славянствомъ, въ Моравіи происходило обратное этому движеніе.

Слишкомъ наскучили Моравіи безпорядки, внесенные въ нее латинскимъ духовенствомъ, послѣ того, какъ измѣна Святополка своему дядѣ и благодѣтелю открыла свободный входъ въ нее нѣмцамъ. Пользуясь независимостію, дарованною ей мужествомъ Святополка, который заставилъ наконецъ нѣмцевъ уступить ему полную власть надъ нею, и, въ 874 г., заключить съ нимъ миръ, какой ему хотѣлось, моравяне, прежде всего, рѣшились удалить изъ своихъ предѣловъ пастырей, болѣе заботившихся о своей корысти, чѣмъ объ истинѣ Христовой, и возстановить родное Богослуженіе, сладость котораго они уже успѣли достаточно почувствовать. Въ слѣдствіе этого, они и обратились къ папѣ съ просьбою прислать имъ опять св. Меѳодія. Папа радъ былъ этой просьбѣ. Въ 876 г. Болгарія отошла къ патріархату Константинопольскому; въ 872 г., какъ сказано, добровольно подчинились Византіи и при-адріатическіе сербы. Онъ крайне боялся, чтобы того же не послѣдовало и съ западными Славянами, по утвержденіи ихъ гражданской и церковной независимости, и потому немедленно и перевелъ онъ св. Меѳодія въ Моравію, съ возведеніемъ его въ санъ архіепископа Панноно-Моравскаго, въ полной увѣренности, конечно, что эта архіепископія сдѣлается достояніемъ Петра. Но Панноніи оставалась только по имени за новымъ архіепископомъ. Со смертію Коцела, послѣдовавшею вскорѣ по возвращеніи св. Меѳодія изъ заключенія, и

поступленіемъ его владѣній въ главное управленіе Карломана, латинство тамъ окончательно взяло верхъ надъ славянствомъ. Напрасно папа, въ 875 г., писалъ къ Карломану, и просилъ его дозволить св. Меѳодію свободно отправлять епископскую должность въ Панноніи. Напрасно онъ писалъ и къ сербскому князю Мутиміру, приглашая его присоединиться къ паннонской епархіи, частію, въ отмщеніе Византіи за Болгарію и при-адріатическихъ Славянъ, а частію, изъ желанія поддержать чрезъ это падающее славянство въ Панноніи. Мутиміръ остался вѣрнымъ Константинопольскому патріарху, а Карломану не было нужды заботиться о пользахъ чуждаго ему епископа. И св. Меѳодій, принимая званіе Панноно-Моравскаго архіепископа, принялъ въ свое управленіе собственно одну только Моравію.

Но это не уменьшило славы его, благословеннаго Богомъ, пастыреначальства. Та же сила Божія, которая укрѣпляла Апостоловъ Христовыхъ, озлобляемыхъ невѣріемъ, и прилагала по вся дни церкви спасающыяся (Дѣян. II, 47), утѣшала въ святыхъ подвигахъ и равноапостольнаго Меѳодія. Стадо его быстро умножалось и благоустроялось. Язычество, суевѣріе изчезали, число храмовъ Божіихъ, священниковъ и иноковъ увеличивалось. Самыя гражданскія дѣла, осѣняемыя его молитвами и благословеніемъ, совершались съ особеннымъ успѣхомъ. Враги бѣжали оружія Святополка; княженіе его расширялось во всѣ стороны, и процвѣтало благоденствіемъ и славою. Все показывало, что пастырь моравскій былъ пастырь Божій, искушенный по всему, сильный словомъ и дѣломъ, полный даровъ Духа Божія и страха Божія и разума Христова и духовнаго прозрѣнія въ будущее, — всего, чѣмъ богаты бываютъ избранники Божіи.

Одинъ сильный языческій князь, имѣвшій владѣніе надъ Вислою, любилъ ругаться надъ христіанами и дѣлать имъ разныя оскорбленія. Св. Меѳодій послалъ къ нему сказать: «хорошо бы тебѣ, чадо, креститься по доброй волѣ, на своей землѣ; иначе, взятый въ плѣнъ, примешь крещеніе невольно, въ чужой землѣ, и вспомнишь тогда обо мнѣ». Такъ и случилось. Однажды Святополкъ велъ войну съ язычниками, и очень не успѣшно. Это было предъ праздникомъ св. Ап. Петра. Св. Меѳодій послалъ къ нему сказать: «если дашь обѣщаніе быть у меня съ своими воинами, въ Петровъ день, — вѣрую, что Богъ вскорѣ предастъ тебѣ враговъ твоихъ». Такъ и сбылось. — Какой то важный человѣкъ вступилъ въ бракъ съ сестрою жены своего брата. Св. Меѳодій всячески старался расторгнуть этотъ нечестивый бракъ, но нѣмецкіе священники, показывая себя по наружности рабами Божіими, тайно развращали беззаконныхъ супруговъ, лаская ихъ ради прибытка. Св. Меѳодій сказалъ мужу тому: «придетъ время, когда лукавые обольстители не помогутъ

тебѣ, и ты вспомнишь тогда слова мои, но поздно». Слово Святителя исполнилось. Виновные супруги погибли такъ, что не осталось и праха отъ нихъ.

Такая полнота благодати Божіей, обитавшей въ пастырѣ моравскомъ, была причиною того, что его служеніе не только въ княжествѣ моравскомъ приносило обильный плодъ, но и дѣйствовало благотворно на другія страны, распространяя въ нихъ свѣтъ Христовъ. Отъ него, или отъ его учениковъ, принялъ св. крещеніе чешскій князь, Боривой, съ супругою своею, Людмилою. Его апостольскою ревностію привлечены въ лоно православной Церкви Христовой, или научены разумно славить Бога, и многія другія Славянскія племена. Отъ Баваріи до Россіи, отъ Силезіи и Лузаціи до Адріатическаго моря — на всемъ этомъ огромномъ пространствѣ св. пастырь оставилъ печать апостольскихъ трудовъ своихъ. Панноно-моравская архіепископія, въ 15 лѣтъ, возрасла въ митрополію. Славянскій просвѣтитель управлялъ, наконецъ, 7-ю епархіями. Самыя суровыя сердца смягчались, когда касалось ихъ медоточное слово учителя Славянскаго.

Властитель угорскій, пришедши на берега Дуная, захотѣлъ непремѣнно видѣть его. Многіе думали, что грубый язычникъ требуетъ св. пастыря для того, чтобы предать его на мученіе, и удерживали его отъ свиданія съ нимъ. Святой, однакожъ, пошелъ къ нему, и когда явился къ королю, тотъ принялъ его съ особенною честію, дружески бесѣдовалъ съ нимъ, щедро наградилъ его и, провожая въ обратный путь, сказалъ: «поминай меня всегда, отче, въ святыхъ молитвахъ своихъ!»

Не смягчались только сердца корыстолюбивыхъ пастырей латинскихъ, при видѣ явнаго благословенія Божія на трудахъ св. Меѳодія. По мѣрѣ того, какъ возрастала его слава, увеличивалась и ихъ злоба противъ него, такъ что св. пастырь смѣло могъ говорить съ Апостоломъ Павломъ: ни единаго имѣ покоя плоть наша, но во всемъ скорбяще: внѣ уду брани, внутрьуду боязни (2 Кор. VII, 5). Не имѣя возможности лично сдѣлать ему что-либо существенно пагубное, они старались наносить ему вредъ чрезъ другихъ, взнося на него разныя клеветы, и явно и тайно, то предъ Святополкомъ, то предъ папою. Особенно вооружались противъ него приверженцы, такъ называемой, Іопаторской ереси — т. е. ученія о происхожденіи Св. Духа не отъ Отца только, но и отъ Сына. Ученіе это, первоначально изобрѣтенное испанскими богословами, въ VI вѣкѣ, нашло послѣдователей своихъ и въ другихъ странахъ западной церкви, кромѣ Испаніи. Этому способствовали какъ всеобщее, въ то время, помраченіе истинныхъ знаній на западѣ, такъ и то, что, въ продолженіе почти десяти вѣковъ, тамъ не было принято за непремѣнное правило пѣть, или читать, на каждой литургіи, Символъ вѣры, во услышаніе всѣхъ, по примѣру церквей восточныхъ. За всѣмъ тѣмъ, помянутое ученіе,

въ IX вѣкѣ, не было еще общимъ на западѣ. Лучшіе изъ папъ открыто возставали противъ него. Левъ III, когда Карлъ Великій, въ 809 г., предложилъ ему принять такое нововведеніе, велѣлъ даже вырѣзать никейскій символъ, безъ всякаго прибавленія, на греческомъ и латинскомъ языкахъ, на двухъ серебряныхъ доскахъ, и поставилъ ихъ въ церкви св. Ап. Петра, надъ гробомъ его. Когда, въ половинѣ того же вѣка, на востокѣ стали обвинять римскую церковь въ измѣненіи никейскаго символа, папа Іоаннъ VIII такъ писалъ патріарху Фотію, по этому случаю: «мы знаемъ дурные слухи, которые принесли къ вамъ о насъ и о нашей церкви, а потому я хотѣлъ объясниться предъ вами; прежде нежели вы ко мнѣ о томъ напишете. Вы знаете, что посланный вами, объясняясь съ нами, касательно символа, нашелъ, что мы соблюдаемъ его, какъ приняли прежде; ибо знаемъ, какое тяжкое наказаніе заслуживаетъ дерзающій измѣнять его. И такъ, чтобы васъ успокоить по этому предмету, сдѣлавшему соблазнъ въ церкви, объявляемъ вамъ еще разъ, что не только мы такъ не произносимъ, но и по безумію дерзнувшихъ вначалѣ учинить это осуждаемъ, какъ нарушителей слова Божія и исказителей ученія Христова, Апостоловъ и Отцевъ, соборно-предавшихъ намъ символъ. Такихъ людей, дерзнувшихъ дѣйствовать, подобно Іудѣ, къ нему и причисляемъ, не потому, что они какъ бы тѣло Господа предавали смерти, но потому, что вѣрныхъ Божіихъ, которые суть Его члены, раздираютъ расколомъ, и предаютъ ихъ вѣчной смерти, а тѣмъ болѣе и себя самихъ, подобно тому недостойному ученику. Но я думаю, Святынѣ вашей, исполненной мудрости, не безъ-извѣстно, что не легко склонить къ этому мнѣнію остальныхъ епископовъ нашихъ и скоро измѣнить этотъ важный обычай, утвержденный годами и проч.» Обличаемые св. Меѳодіемъ, исказители ученія вселенской Церкви, о исхожденіи Св. Духа, конечно, знали, какъ въ Римѣ смотрятъ на ихъ ученіе. И потому, желая отмстить обличителю клеветою, будто бы онъ самъ не право вѣруетъ, писали папѣ не прямо о томъ, что онъ не согласно съ ними учитъ о Св. Троицѣ, а вообще будто бы отступаетъ отъ ученія римской церкви, ведетъ народъ къ заблужденіямъ и учитъ не такъ, какъ обѣщалъ устно и письменно предъ апостольскимъ престоломъ. Трудно было клеветникамъ увѣрить папу въ неправовѣріи св. пастыря, котораго вѣру онъ зналъ хорошо, а потому, не сдѣлавъ ему ни какого упрека, по поводу указанной клеветы, ограничился только довольно двусмысленнымъ предостереженіемъ князя Святополка, чтобы онъ держался истиннаго ученія римской церкви, отвергнувъ ложное ученіе, если оно проповѣдуется кѣмъ-либо изъ епископовъ или пресвитеровъ. Это предостереженіе можно считать столько же направленнымъ противъ св. Меѳодія, сколько и противъ самихъ клеветниковъ.

Не достигнувъ цѣли одною клеветою, завистники употребили другую: донесли папѣ, что св. Меѳодій не желаетъ находиться въ зависимости отъ римской церкви, и потому распространяетъ славянское Богослуженіе. Этимъ, точно, они сильно подѣйствовали на папу, такъ много хлопотавшаго о подчиненіи паннono-моравской архіепископіи римскому престолу. Вдругъ же, по полученіи доноса, онъ посылаетъ въ Моравію посла, и запрещаетъ славянское Богослуженіе, а въ слѣдующемъ году, вызываетъ и самого Меѳодія въ Римъ. Такія рѣзкія, оскорбительныя для народнаго чувства, дѣйствія, конечно, не могли благопріятно дѣйствовать на Святополка. Папа понималъ это, и тогда же позаботился, сколько было можно, успокоить его на счетъ тѣхъ побужденій, по которымъ они совершались, — написалъ ему, что вызываетъ св. Меѳодія въ Римъ для того, чтобы лично испытать, такъ ли онъ вѣруетъ и учитъ, какъ обѣщалъ апостольскому престолу. Написалъ онъ и св. Меѳодію, но въ этомъ письмѣ онъ говорилъ уже другое, — что, въ настоящія минуты, особенно занимало его. «Слышали мы, писалъ онъ, что ты поешь литургію на языкѣ варварскомъ, — такъ онъ называлъ языкъ Славянскій, — и потому запретили тебѣ граматою нашею совершать торжественно святую службу на этомъ языкѣ; можешь совершать ее только на языкѣ латинскомъ или греческомъ, какъ дѣлаетъ Церковь Божія, разсѣянная по всему міру, во всѣхъ народахъ. Проповѣдывать же, или бесѣдовать къ народу, на этомъ языкѣ, тебѣ дозволяется.»

Уважая достоинство первосвятителя римскаго, и желая оправдать предъ нимъ непостыдное свое дѣланіе, богобоязненный пастырь моравскій, въ 880 г., еще разъ явился въ Римъ. Собственно, одного этого уже и довольно было для успокоенія папы. Папа увидѣлъ, что просвѣтитель славянскій совсѣмъ не таковъ, по отношенію къ нему, какимъ представляли его клеветники, умѣетъ чтить достоинство его. Но нужно было повести дѣло такъ, какъ оно представлено было князю, для прикрытія домогательствъ папскихъ. Нужно было, по крайней мѣрѣ, для вида испытать, какъ вѣруетъ и учитъ св. Меѳодій. И вотъ собираются епископы латинскіе, и въ ихъ присутствіи папа спрашиваетъ Апостола славянскаго: такъ ли онъ исповѣдуетъ символъ Православной Вѣры, какъ тому учитъ римская церковь и какъ обнародовали св. отцы на шести вселенскихъ соборахъ, согласно съ словами Евангелія Іисуса Христа, Бога нашего, повсюду проповѣданнаго?. Не постыдился учитель Евангельской истины исповѣдать вѣру свою предъ соборомъ папскимъ, и показалъ ему, что онъ не напрасно носитъ на себѣ высокое званіе пастыря словесныхъ овецъ Христовыхъ. Его вѣра была та самая, которая вселенную утвердила. Папѣ ничего не оставалось болѣе дѣлать, послѣ этого, какъ отпустить его съ честію къ паствѣ своей. И онъ немедленно же отпустилъ его, написавъ Святополку

письмо такого содержанія: «Поелику онъ, т. е. св. Меѳодій, — исповѣдалъ, что содержитъ и поетъ символъ вѣры, согласно съ евангельскимъ и апостольскимъ ученіемъ, какъ учитъ и римская церковь и какъ предано отъ отцевъ, то мы, нашедши его православнымъ и опытнымъ во всякомъ церковномъ ученіи, опять обращаемъ его къ вамъ, для управленія ввѣренною ему церковію, и повелѣваемъ, чтобы вы приняли его съ радостію, какъ истиннаго пастыря вашего, достойнаго всякаго уваженія, потому что онъ утвержденъ въ санѣ архіепископа нашею апостольскою властію.» Боялся папа дозволить Славянамъ учиться своей грамотѣ и совершать Богослуженіе на родномъ своемъ языкѣ. Но еще болѣе онъ опасался и отказать имъ въ этомъ, чтобъ не оттолкнуть ихъ отъ себя и не утратить власти надъ ними. И потому снова и грамоту славянскую одобрилъ и Богослуженіе на Славянскомъ языкѣ разрѣшилъ. «Мы похваляемъ, также писалъ онъ къ Святополку, письмена славянскія, изобрѣтенныя философомъ Константиномъ, которыми возглашаются подобающія хвалы Богу, и повелѣваемъ, чтобы на этомъ языкѣ возвѣщались дѣла и хвалы Господа нашего Іисуса Христа; потому что не тремя только, но всѣми языками восхвалять Бога побуждаемся ученіемъ св. Писанія, которое говоритъ: хвалите Господа вси языцы и восхвалите Его вси людіе, и Апостолы, исполненные Духа Святаго, на всѣхъ языкахъ прославляли величіе Божіе; поэтому и Павелъ, небесная труба, гласитъ: всякъ языкъ исповѣсть, яко Господь Іисусъ Христосъ во славу Бога Отца (Фил. II, 11), и въ посланіи своемъ къ коринѳянамъ достаточно изъяснилъ намъ, сколько назидаютъ церковь Божію глаголющіе разными языками. Поэтому нисколько не противно здравой вѣрѣ и правому ученію пѣть литургію на языкѣ Славянскомъ, или читать святое Евангеліе и священное Писаніе новаго и ветхаго Завѣта, хорошо переложенныя и истолкованныя, и всѣ прочія службы пѣть на этомъ языкѣ, поелику тотъ же Господь, создавшій три главные языка: еврейскій, греческій и латинскій, создалъ и всѣ прочіе во славу Свою и похвалу.»

Но какъ искренно говорилъ все это папа, видно изъ слѣдующаго заключенія письма его: «повелѣваемъ, впрочемъ, чтобы во всѣхъ церквахъ земли твоей Евангеліе читано было сперва, ради большей важности, по латинѣ, а потомъ во услышаніе народу, не понимающему латинскаго языка, по славянски, какъ то бываетъ въ нѣкоторыхъ церквахъ. Если же тебѣ и твоимъ судьямъ угоднѣе слышать обѣдню на латинскомъ языкѣ, внушаемъ служить предъ тобою торжественныя обѣдни по латинѣ». Такимъ образомъ, папа, защищая, по видимому, дѣйствія св. Меѳодія отъ нареканія, со стороны враговъ православія, въ то же время ясно показывалъ, что онъ и самъ смотрѣлъ на нихъ съ предубѣжденіемъ.

Къ прискорбію, даже среди учениковъ св. Меѳодія нашлись такіе, кои содѣйствовали видамъ папы; и первый изъ нихъ былъ князь моравскій, человѣкъ грубый по чувствамъ, который дорожилъ болѣе личною и притомъ внѣшнею своею славою, нежели истинною высотою собственною и своего народа, о чемъ преимущественно заботился дядя его, Ростиславъ. Латинское духовенство понимало его наклонности, и льстило имъ, позволяя ему то, чего не могъ одобрить въ немъ св. Меѳодій. Это и располагало его быть ближе къ первому, чѣмъ къ послѣднему. Враги св. Меѳодія и употребляли такое отношеніе къ нему князя въ свою пользу. Чтобы имѣть возможность на всякомъ шагу преслѣдовать невиннаго пастыря, и вредить его святому дѣлу, для пользы его противниковъ, латинское духовенство внушило Святополку о необходимости имѣть св. Меѳодію ближайшаго помощника, въ санѣ епископскомъ. Для занятія этой должности нашло оно среди себя и достойнаго, по его понятію, пресвитера, человѣка хитраго и вкрадчиваго, Вихинга. Легко было Святополку убѣдить св. пастыря, не привыкшаго дѣйствовать съ лукавствомъ, въ пользѣ такого новаго учрежденія. По этому, когда отправлялся въ Римъ св. Меѳодій, тудаже слѣдовалъ съ нимъ и Вихингъ, для рукоположенія во епископа, согласно ходатайству объ этомъ князя. Если въ чемъ, то въ этомъ папа никакъ не могъ отказать князю. Онъ и посвятилъ Вихинга во епископа Нитры, повелѣвъ ему во всемъ быть послушнымъ своему архіепископу. Папа желалъ даже, чтобы князь, съ согласія своего архіепископа, послалъ къ нему еще способнаго священника или діакона, для посвященія во епископа къ другой какой либо церкви, гдѣ это окажется болѣе полезнымъ, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы моравскій архіепископъ могъ самъ, съ двумя епископами, посвящать въ этотъ санъ, кого онъ удостоитъ его, по своему усмотрѣнію, для пользы церкви. Вмѣстѣ съ этимъ, папа повелѣвалъ, чтобы всѣ духовныя лица въ области Святополка, къ какому бы племени они ни принадлежали, непремѣнно подчинялись исключительно св. Меѳодію; непокорные же, причиняющіе соблазнъ или вводящіе ересь изгонялись бы изъ церкви и области, согласно съ наставленіями, данными Свитителю.

Все, повидимому, дѣлалось со стороны папы, съ полнымъ желаніемъ блага моравскому архипастырю и его паствѣ. Святый Меѳодій возвратился въ Моравію съ торжествомъ. Народъ встрѣтилъ его съ чувствами самой непритворной радости, особенно послѣ того, какъ злые люди внушили ему, что его любимый пастырь будетъ лишенъ въ Римѣ своего престола, чему могли вѣрить, конечно, только малодушные. Грамата римскаго первосвятителя, въ которой писалъ онъ, что «обрѣлъ брата своего Меѳодія правовѣрнымъ и дѣйствующимъ апостольски, почему и подчиняются ему опять всѣ страны

ВОЗВРАЩЕ́НІЕ СВ. МЕѲО́ДІѦ ИЗЪ РІ́МА ВЪ ПАННО́НІЮ.

15

славянскія, — кого онъ проклянетъ, тотъ будетъ проклятъ, а кого благословитъ,— благословенъ,» — эта грамата довершила радость чадъ Меѳодіевыхъ. Но это не сдѣлало покойнымъ св. Меѳодія.

Вдругъ же, по возвращеніи изъ Рима, Вихингъ и показалъ, кто таковъ былъ онъ. Слушать св. архіепископа онъ не хотѣлъ, о покоѣ его не заботился, а старался только посѣвать раздоръ между нимъ и княземъ, — противникамъ православія угождать, а правовѣрнымъ причинять разнаго рода оскорбленія. пользуясь въ этомъ случаѣ содѣйствіемъ латинскихъ епископовъ и Святополка. Безпорядки, имъ производимые, такъ были не стерпимы, что чрезъ полгода, въ 880 г., св. Меѳодій, при всей своей кротости, уже нашелся вынужденнымъ принесть на нихъ жалобу Іоанну VIII. Но могъ ли папа порадѣть столько Меѳодію, сколько онъ сочувствовалъ Вихингу, дѣйствовавшему въ пользу латинства? Стараясь успокоить св. Меѳодія разными похвалами, благожеланіями и сожалѣніями, онъ какъ-бы закрывалъ ему глаза, чтобы не видѣть недостойныхъ поступковъ коварнаго епископа и Святополка. «Ты могъ это предвидѣть, говорилъ папа, изъ того, что мы уже лично убѣждали тебя, когда явишься къ папѣ, слѣдовать ученію римской церкви, по достовѣрному преданію святыхъ отецъ, и поручили тебѣ учить и проповѣдывать символъ истинной вѣры. О томъ же писали мы и къ славному князю Святополку посланіе, которое, по словамъ твоимъ, было ему вручено; другаго же посланія мы къ нему не писали (о чемъ, вѣроятно, Меѳодій писалъ ему), не поручали мы также ничего тому епископу (т. е. Вихингу), и не приказывали тебѣ дѣлать что-либо другое. Тѣмъ менѣе можно думать, чтобы мы истребовали присягу отъ того епископа, ибо мы ничего не говорили объ этомъ дѣлѣ.»

«И такъ удали сіе сомнѣніе, и внушай во всѣхъ вѣрныхъ православную вѣру, по Евангельскому и Апостольскому ученію; не скорби также и о другихъ искушеніяхъ, перенесенныхъ тобою различнымъ образомъ. Впрочемъ, если ты, путеводимый Богомъ, возвратишься къ намъ, мы законнымъ образомъ положимъ конецъ всему, противъ тебя несправедливо начатому, и тому, что учинилъ вышепомянутый епископъ, несогласно съ своею обязанностію, и, по выслушаніи васъ обоихъ, не преминемъ укротить дерзкую его непокорность, нашимъ приговоромъ.» Такой ли помощи ожидалъ отъ папы св. архипастырь моравскій, на каждомъ шагу озлобляемый врагами?..

Въ 882 году скончался и этотъ вліятель на дѣло Славянъ, по крайней мѣрѣ, хотя что нибудь сдѣлавшій добраго для св. Меѳодія. По смерти Іоанна VIII, онъ и того не могъ ожидать отъ Рима. Вскорѣ одинъ изъ его преемниковъ прямо пойдетъ противъ него, не надѣясь уже болѣе на его

услугу Риму, имѣя въ виду достигнуть желаемаго подчиненія моравской церкви чрезъ Вихинга.

Враги св. пастыря, безъ сомнѣнія, замѣчали, каковъ былъ къ нему въ душѣ папа и съ какимъ участіемъ принималъ отъ него всѣ его жалобы, и радовались, не стѣсняясь явно выражать предъ нимъ злорадство свое, къ большей скорби его и соблазну пасомыхъ имъ. А чтобы еще болѣе смутить его и ослабить довѣріе къ нему его паствы, они распустили слухъ, будто бы и въ единовѣрномъ ему Константинополѣ перемѣнили къ нему свое расположеніе, — будто бы и царь и патріархъ гнѣваются на него. Трудно было св. Меѳодію, при такихъ козняхъ, не смутиться духомъ, опасаясь не столько за себя, сколько за новообращенную паству свою!...

Но надъ нимъ бдѣлъ самъ Господь, вѣдущій спасать сущихъ Своихъ отъ искушеній и бѣдъ.

О дѣлахъ моравскихъ, конечно, доходили слухи и до Византіи. Стремленія Славянъ къ утвержденію своей церковной и гражданской независимости, увѣнчиваемыя столь блестящими успѣхами, могли пробуждать въ византійскомъ государѣ пріятныя для него надежды. Присоединеніе къ константинопольскому патріархату болгаръ и далматскихъ Славянъ тоже требовало особенныхъ заботъ и царя и патріарха. Ктоже могъ лучше помочь имъ въ этомъ дѣлѣ, какъ не архіепископъ моравскій, имъ единовѣрный и преданный, столько лѣтъ посвятившій на устройство церкви Славянской, хорошо понимавшій и намѣренія Рима и виды нѣмецкихъ властителей? И вотъ, въ ту самую пору, какъ злорѣчіе смущало Моравію нерасположностію Византіи къ ея просвѣтителю, св. Меѳодій неожиданно получаетъ отъ Василія, греческаго государя, грамату, такого содержанія: «О, человѣкъ Божій! весьма желаю видѣть тебя. Сотвори доброе дѣло, потрудись придти къ намъ, чтобъ я еще разъ увидѣлъ тебя, доколѣ остаюсь на этомъ свѣтѣ, и принялъ твою молитву.» Чѣмъ яснѣе св. Меѳодій слышалъ въ этомъ царственномъ зовѣ голосъ самого Господа, спасавшаго его отъ навѣтовъ вражіихъ, тѣмъ съ большею радостію онъ готовъ былъ исполнить волю царскую. Не медленно же онъ отправился въ дальній путь, 881 г., и былъ принятъ въ Константинополѣ и царемъ Василіемъ и патріархомъ Фотіемъ съ особенною честію. Патріархъ даже оставилъ у себя одного священника и діакона, изъ числа духовныхъ лицъ, сопутствовавшихъ св. Меѳодію, и славянскія книги, принесенныя имъ съ собою, чтобы воспользоваться ими для блага Болгаріи и другихъ Славянъ, принадлежавшихъ церкви константинопольской. И когда больше въ немъ не было въ Царѣградѣ надобности, царь и патріархъ отпустили его съ великими дарами и почестію, удовлетворивъ всѣмъ просьбамъ, какія онъ предлагалъ имъ для пользы моравской церкви.

Ободренный въ Константинополѣ искреннимъ сочувствіемъ къ апостольскимъ трудамъ своимъ и обезпеченный всѣмъ нужнымъ, для успѣшнаго продолженія ихъ, св. Меѳодій, по возвращеніи въ Моравію, обратилъ особенное вниманіе на переводъ священныхъ и Богослужебныхъ книгъ на Славянскій языкъ. Трудъ этотъ, начатый еще св. Кѵріллomъ, продолжался и послѣ него. Необходимыя пѣсни церковныя и молитвы, Евангеліе, Дѣянія св. Апостолъ, Апостольскія посланія, Псалтирь, отдѣльныя чтенія изъ другихъ ветхозавѣтныхъ книгъ, входившія въ составъ церковныхъ службъ, уже существовали въ славянскомъ переводѣ. Св. Меѳодію хотѣлось докончить и остальное. Этимъ онъ теперь, отвергнувъ всякую молву, и возложивъ печаль свою на Бога, и занялся, при помощи двухъ учениковъ своихъ, скорописцевъ, по сану пресвитеровъ. Съ такимъ усердіемъ совершалось великое дѣло это, что въ шесть мѣсяцевъ, съ Марта по 26 Октября, уже все св. Писаніе Ветхаго Завѣта, кромѣ книгъ Маккавейскихъ, было переложено на языкъ Славянскій. Св. Меѳодій не могъ не видѣть въ этомъ явной помощи Божіей и содѣйствія св. Великомученика Димитрія Солунскаго, которому, какъ присному своему, онъ преимущественно ввѣрялъ и себя и труды свои. 26 числа Октября, онъ торжественно, съ учениками своими, совершилъ службу Божію, и со слезами умиленія возблагодарилъ Господа и св. Великомученика за счастливый успѣхъ въ великомъ предпріятіи. Заботясь о разумномъ служеніи Богу, мудрый пастырь не забылъ позаботиться и о разумномъ благоустроеніи паствы своей, согласно съ правилами св. Апостоловъ и Отцевъ церкви. Вслѣдъ за переводомъ на Славянскій языкъ священныхъ и церковныхъ книгъ, онъ переложилъ на этотъ языкъ и книгу правилъ церковныхъ, употреблявшихся, въ его время, въ греческой церкви, или, такъ называемый, Номоканонъ, и нѣкоторыя изъ поученій отеческихъ. Ничего не хотѣлъ оставить безъ пастырскаго вниманія своего насадитель правой вѣры у Славянъ, желая воспитать изъ нихъ родъ избранъ, царское священіе, языкъ святъ, люди обновленія, да возвѣстятъ они добродѣтели изъ тмы призвавшаго ихъ въ чудный свѣтъ свой (1 Пет. II, 9—10).

Но есть время раждати, есть время и умирати (Еккл. III, 2). Давно уже Божій труженикъ, изнуренный подвигами самоумерщвленія, пастырскимъ трудомъ, скорбію, тѣлесными немощами, воздыхалъ, взывая: увы мнѣ, яко пришельствіе мое продолжися (Пс. LIX, 5). — Услышалъ Господь и эти вздохи праведника, подвизавшагося подвигомъ добрымъ, скончавшаго теченіе свое, соблюдшаго чистую вѣру, чтобы увѣнчать его за все это вѣнцемъ славы Своей (2 Тим. IV, 7, 8). Приблизился конецъ и его великимъ подвигамъ. Тяжка была для вѣрныхъ учениковъ и сотрудниковъ

его мысль о разлукѣ съ нимъ! Еще тяжелѣе была для нихъ неизвѣстность того, что будетъ съ ними, по кончинѣ его. Они знали, сколько враговъ окружаетъ ихъ, и сколько готовится замысловъ, съ ихъ стороны, для расхищенія и попранія вертограда Христова, насажденнаго мудрымъ и попечительнымъ пастыремъ ихъ, а потому, желая предотвратить бурю, на нихъ воздвигаемую, спрашивали у стоявшаго уже у гроба пастыря своего: «кого избираешь ты, отецъ и учитель нашъ, настольникомъ твоей каѳедры по тебѣ и продолжателемъ твоего ученія»? Не отказалъ имъ въ утѣшеніи благой учитель ихъ. У него было семь учениковъ, особенно любимыхъ имъ и преданныхъ ему: Гораздъ, Климентъ, Наумъ, Ангеларъ и Савва, которыхъ болгарская церковь, вмѣстѣ съ нимъ и св. Кѵрилломъ, прославляетъ, подъ именемъ седмочисленныхъ. Перваго изъ нихъ онъ и избралъ въ преемника себѣ. — «Гораздъ есть мужъ званія свободнаго и уроженецъ земли сей. Онъ правовѣренъ и хорошо знаетъ книги латинскія. Буди надъ нимъ воля Божія и ваша любовь съ нимъ, какъ и моя», отвѣчалъ ученикамъ св. Меѳодій.

Между тѣмъ наступали великіе дни страстей Господнихъ. Ослабѣвшій тѣломъ, — но не духомъ, св. Меѳодій совершилъ въ Вербное воскресенье Божественную службу, въ присутствіи князя Святополка и всѣхъ учениковъ своихъ, преподалъ имъ пастырское наставленіе, благословилъ ихъ, и сказалъ: «дѣти мои! поберегите меня до 3-го дня!» Этимъ онъ ясно давалъ знать имъ, что они въ послѣдній разъ вмѣстѣ съ нимъ возносятъ молитвы свои ко Господу, что чрезъ три дня его уже не будетъ съ ними. Настало утро и этого уреченнаго дня. Св. пастырь воздѣваетъ праведныя руки свои ко Господу, взывая къ Нему: Господи! въ руцѣ Твои предаю духъ мой, и — св. душа его отошла ко Господу. Это было во вторникъ Страстной седмицы, 6-го Апрѣля 885 года. Въ этотъ день св. Церковь напоминаетъ вѣрующимъ, между прочимъ, и притчу Спасителя о десяти талантахъ. Пріемля душу праведника въ такой великій многознаменательный день, Господь явственно давалъ знать и ему самому и всѣмъ, окружавшимъ его, что преумноживъ десятью талантами, полученные имъ отъ небеснаго Домовладыки, таланты, какъ вѣрный и благой рабъ, онъ входитъ теперь въ радость Господа своего, — что, бывши пріискреннимъ причастникомъ страстей Христовыхъ въ жизни земной, онъ будетъ и на небѣ раздѣлять со Христомъ вѣчную славу Его.

Съ сердечною любовію моравская паства окружала пастыря своего, когда онъ молился съ нею, или поучалъ ее. Съ искреннимъ чувствомъ сыновней преданности она спѣшила и къ безмолвному гробу его. Юноши и старцы, богатые и убогіе, мужи и жены, міряне и духовные — всѣ, въ глубокой

ПРЕДСМЕ́РТНОЕ ПРОЩА́НІЕ СВ. МЕѲО́ДІЯ СЪ ОУЧЕНИ́КАМИ.

скорби, текли воздать послѣдній долгъ честнымъ останкамъ его. Народъ слезно молился; священнослужители, въ знакъ нераздѣльности истинной Церкви Христовой, и того, что почившій пастырь до конца жизни былъ вѣренъ св. Церкви вселенской, на греческомъ, латинскомъ и славянскомъ языкахъ, въ умиленіи душевномъ, пѣли погребальныя пѣсни надъ нимъ. Не даромъ Господь судилъ святому пастырю почить отъ трудовъ своихъ не въ Римѣ, или гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, а именно среди паствы своей!.. Честное тѣло его погребено было по лѣвую сторону алтаря соборнаго Богородичнаго Храма, древней столицы моравской, Велеграда, или Дѣвина, нынѣ Градишты или Городища.

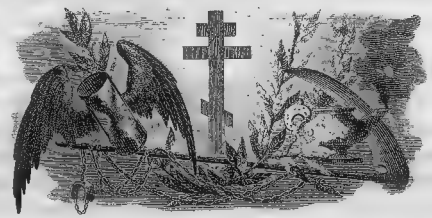
Такъ угасъ и другой свѣтильникъ славянскаго міра, свѣтившій ему Христовымъ свѣтомъ 22 года! Не только чада православной Церкви, — самые отступники ея не могутъ довольно надивиться богатству духовныхъ совершенствъ этого избранника Божія. Во всѣхъ видахъ своей жизни онъ изумителенъ. Сынъ именитаго и богатаго отца, властитель цѣлой области, счастливый любовію подчиненныхъ своихъ и царскими милостями, полный жизни и силъ тѣлесныхъ, онъ добровольно оставляетъ вся красная міра сего, укрывается въ уединенной пустынѣ, обрекаетъ себя на тяжкіе подвиги поста, молитвы, самоумерщвленія, съ такимъ усердіемъ, что дѣлается вождемъ духовныхъ воиновъ Христовыхъ... Какое благодатное настроеніе души! Какая чистая любовь къ Богу! Какая сила воли! — Царь и патріархъ вызываютъ подвижника Христова изъ любимаго имъ уединенія, указываютъ ему быть спутникомъ кровнаго ему проповѣдника Евангелія, и онъ охотно повинуется этому зову. Идетъ съ братомъ къ хазарамъ, въ Болгарію, къ западнымъ Славянамъ, въ Римъ, трудится для славы Божіей, терпитъ лишенія и скорби, какъ и братъ его. Между тѣмъ, онъ такъ ведетъ себя вездѣ и во всемъ, по отношенію къ нему, какъ будто бы онъ былъ не старшій, уже искушенный по всему, братъ, а только вѣрный слуга его. Какое глубокое смиреніе! Какая безкорыстная преданность присному своему! Св. философъ отходитъ въ Римѣ ко Господу. Апостольскій трудъ среди Славянъ, только что начатый, теперь весь падаетъ на св. Меѳодія, и онъ является на этомъ великомъ поприщѣ, какъ истинный посланникъ Божій. Нельзя представить служенія, болѣе тяжкаго, перепутаннаго видами, совершенно противоположными, каково было его служеніе. Славяне, вводя у себя новый порядокъ церковный, желали достигнуть своихъ цѣлей. Папы домогались обратить его въ свою пользу; а нѣмцы и, въ частности, нѣмецкое духовенство, дѣйствовали при этомъ по своимъ видамъ. Однакожъ, св. Меѳодій, идя своимъ путемъ ровно, тихо, съумѣлъ распутать эту сѣть. Ни папы, ни нѣмецкое духовенство не

достигли при немъ своей цѣли, а онъ, въ 15 лѣтъ, сдѣлалъ все, чего требовало отъ него призваніе его. Ни клеветы, ни озлобленія, ни узы, ни темница — ничто не совратило его съ пути, на который онъ однажды сталъ. Какая твердость въ святомъ убѣжденіи! Какая вѣрность призванію своему! Какая мудрость и опытность въ пастырскомъ дѣйствованіи! Какъ малы предъ нимъ враги его, епископы нѣмецкіе, со всѣми своими клеветами! Какъ малы предъ нимъ самые первосвятители римскіе, съ своимъ двоедушіемъ, непостоянствомъ въ мыслихъ, противорѣчіемъ въ дѣйствіяхъ! Благословенный Богомъ, народъ Славянскій! Великъ твой учитель! Велики тѣ уроки, которые онъ преподалъ тебѣ! Въ его судьбѣ начертана твоя судьба, въ его славныхъ подвигахъ, совершенныхъ ради счастія твоего, скрывается тайна силы и славы твоей!..

Вдругъ же по кончинѣ св. Меѳодія, и открылось на самомъ дѣлѣ, какъ много значилъ онъ для Моравіи. Какихъ хитростей ни употребляли и папы и епископы нѣмецкіе для разрушенія св. дѣла просвѣтителя Славянскаго, но, при жизни его, они не имѣли успѣха въ этомъ. Какъ же скоро онъ скончался, и — полились бѣды потокомъ на церковь, имъ основанную. Вмѣсто Горазда, назначеннаго св. Меѳодіемъ въ преемника себѣ, мѣсто архіепископа моравскаго занялъ, по волѣ папы Стефана VI, коварный Вихингъ, который тѣмъ успѣшнѣе теперь сталъ совращать съ праваго пути Святополка, и дѣйствовать въ пользу латинства, чѣмъ болѣе имѣлъ полномочія на то, со стороны папы. Горазда, Климента и прочіе ученики св. Меѳодія сперва должны были терпѣть разнаго рода истязанія, а потомъ и вовсе оставить Моравію. Латинство снова воцарилось въ ней, покровительствуемое самимъ княземъ ея. Самая служба на семъ языкѣ строго была запрещена. Въ 892 году, Святополкъ, поссорившись съ нѣмцами, выслалъ изъ Моравіи Вихинга, но чрезъ это не поправились дѣла церковныя. Изгнанный митрополитъ вскорѣ получилъ пассавскую каѳедру, и оттуда продолжалъ дѣйствовать на церковь моравскую, согласно видамъ своимъ. Въ 894 г. Святополкъ умеръ. Съ этого времени еще менѣе стало надежды на возстановленіе прежняго порядка церковнаго въ Моравіи, потому что быстро начало упадать и самое княжество моравское. Послѣ Святополка, нѣмцы раздѣлили Моравію между двумя его сыновьями Моймиромъ и Святополкомъ II, съ тою цѣлію, чтобы, возбуждая и поддерживая между ними ссоры, призывая противъ нихъ, явившихся на Дунаѣ новыхъ, суровыхъ выходцевъ азіатскихъ — мадьяръ, погубить въ конецъ опасное для нихъ княжество. Моймиръ понялъ хитрость, и изгналъ брата въ нѣмецкую землю. Вѣроятно, по его же ходатайству, папа Іоаннъ IX, вмѣсто Вихинга, котораго сами нѣмцы возненавидѣли, рѣшился, имѣя въ виду свои цѣли, дать Моравіи особаго митрополита, и прислалъ туда одного архіепископа и двухъ епископовъ;

СВАТОТА́ТСВЕННОЕ СОЖЖЕ́НІЄ БОГОСЛУЖЕБНЫХЪ СЛАВЯ́НСКИХЪ КНИ́ГЪ ПАПИСТЛМИ,
ПО КОНЧИ́НѢ СВ. МЕѲО́ДІЯ.

но онъ хотѣлъ не паству Меѳодіеву въ ней возстановить, а латинство утвердить: папа не думалъ даже дозволить и Богослуженія на Славянскомъ языкѣ. Между тѣмъ, когда происходили, по этому предмету, споры между папою и нѣмецкимъ духовенствомъ, мадьяры, въ 907 г., соединенными силами вторглись въ княжество моравское, и разрушили его до основанія; осталось нѣсколько обломковъ отъ него, которые достались то нѣмцамъ, то чехамъ, то полякамъ. На пепелищѣ Святополковой Моравіи возникли новыя владѣнія. Явились въ нихъ снова и учители вѣры, но уже не Меѳодіевой. Что могло уцѣлѣть на почвѣ Славянской отъ трудовъ пастыря Моравскаго. то латинство усиливалось съ корнемъ вырвать изъ ней. Храмы православные, гдѣ они оставались, разрушались, или превращались въ латинскіе; вмѣсто славянскаго Богослуженія, гдѣ оно могло какъ нибудь удержаться, вводилась служба латинская. Самыя книги Славянскія предавались огню, или истреблялись иначе. Золото потемнѣло, сребро доброе измѣнилось; разсыпались камыцы святыни (Плач. Іерем. IV, 1).



VIII.

Избраннїи Мои не имѹтъ трѹдитися вотще, ниже породятъ чадъ на проклятїе, яко сѣмя благословенно есть Богомъ. Ис. XIV, 23.

Какъ ни силенъ духъ злобы, дѣйствующій въ сынахъ противленія, но дѣла истинно Божія уничтожить онъ не можетъ (Дѣян. V, 38). Не погибли и спасительные труды апостоловъ Славянскихъ, не смотря на то, что, по кончинѣ св. Меѳодія, насиліе и коварство съ отъявленнымъ ожесточеніемъ старались истребить ихъ. Они продолжали, и по сю пору продолжаютъ оказывать благотворное вліяніе на всѣ стороны жизни Славянъ — на ихъ: а) вѣру, б) образованіе, в) нравы, г) стремленія гражданскія.

а) Христіанство вообще, какъ нельзя больше, пришлось по сердцу Славянъ, въ слѣдствіе благопріятнаго для него ихъ строя духовнаго, которымъ отличались они, еще бывши въ язычествѣ. Неудачные опыты ознакомленія ихъ съ нимъ чрезъ непризванныхъ учителей, сдѣлали только то, что они захотѣли скорѣе и совершеннѣе узнать истинное ученіе Христово. Когда же явились къ нимъ съ проповѣдію учители вѣры, не самозванные, искавшіе себѣ корысти, а посланные, по ихъ же зову, самимъ Богомъ, украшенные всѣми совершенствами апостоловъ Христовыхъ, — когда эти посланники Божіи принесли къ нимъ ученіе Евангелія чистое, какъ свѣтъ Божій, развитое уже во всѣхъ своихъ подробностяхъ, не частнымъ какимъ либо умствованіемъ, а всею вселенскою Церковію, — когда учители эти простерли къ нимъ слово, вполнѣ имъ родное и понятное, растворенное искреннею любовію къ нимъ и славѣ Божіей; тогда Христіанство явилось предъ ними даромъ, истинно небеснымъ, который былъ для нихъ выше и дороже всего въ мірѣ. Замѣчено, что въ тѣхъ мѣстахъ славянскаго міра, гдѣ было больше свободы дѣйствію проповѣди св. просвѣтителей ихъ, слѣды язычества изчезли гораздо ранѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, а если гдѣ и оставались, то развѣ въ кудесничествѣ и

суевѣріяхъ народа. Это было именно у Славянъ за-карпатскихъ, которые менѣе испытывали вліяніе латинства. Сердечно принятая Славянскимъ народомъ отъ св. братьевъ, православная Вѣра, при многихъ, самыхъ выгодныхъ, условіяхъ къ этому, проникла въ массу его, какъ проникаетъ душа тѣло, и сдѣлалась вѣрою, въ полномъ смыслѣ, народною, такъ что неизмѣнность отеческимъ преданіямъ въ вѣрѣ составила какъ бы исключительное свойство Славянскаго народа и сдѣлала его, по преимуществу, народомъ христіанствующимъ. Нѣкоторые изъ Славянъ, какъ были, такъ и теперь остаются православными, не смотря на то, что, въ продолженіи цѣлаго тысячелѣтія, вели упорную брань съ насиліями всякаго рода, то со стороны латинянъ, то со стороны турокъ. Напримѣръ въ Австрійской Имперіи, за исключеніемъ Вѣны, и, можетъ быть, другихъ неизвѣстныхъ мѣстъ, число православныхъ доходитъ до 2.777,153 душъ *).

Кто же эти православные, какъ не единоплеменные намъ Славяне, — остатокъ церкви Кѵрілло-Меѳодіевской? А сколько ихъ есть въ Болгаріи и въ другихъ Славинскихъ земляхъ! и не по имени только исповѣдуютъ они православіе. Во всѣ времена, между ними являлись такіе подвижники вѣры, которые чистотою и твердостію исповѣданія своего не уступаютъ христіанамъ самыхъ цвѣтущихъ временъ церкви Христовой. Изумительны страданія за св. вѣру св. Людмилы, ея внука Вячеслава (28 Сент. 936 г. Духов. Бесѣд. 1862 г. Т. XVI стр. 177), Сербскаго мученика Георгія (11 Февр. 1515 г. Дух. Бесѣд. 1861 г. Т. XII стр. 344), Болгарской мученицы Златы (Дух. Бесѣд. 1861 г. Т. XIV стр. 393), которую не заставили измѣнить Христу ни страшныя угрозы турокъ, ни мольбы отца, матери, сестеръ, которая говорила послѣднимъ, когда они умоляли ее, хотя для вида, отречься отъ Христа: «если уже и вы принуждаете меня отказаться отъ Христа, истиннаго Бога, то вы не родители и не сестры мнѣ. Послѣ этого я отказываюсь отъ васъ. Вмѣсто васъ, отцемъ моимъ будетъ Господь Іисусъ Христосъ, матерію Владычица Пресвятая Богородица, святые же мученики и мученицы будутъ моими братьями и сестрами» (въ Окт. 1795 г.). Такихъ подвижниковъ вѣры исторія церкви Славянской представляетъ многое множество. А сколько было и есть въ этой Церкви такихъ подвижниковъ вѣры, которыхъ имена и подвиги извѣстны одному только Богу!

Многіе изъ Славянъ, принужденные уступить силѣ и обстоятельствамъ, подчинились латинству. Но легко ли обошлось это подчиненіе для поработителей

*) Дух. Бес. 1859 г. Т. V стр. 34. Въ 1857 г. Православныхъ считалось въ Буковинѣ 346,690 душъ, въ 1851 г. въ Трансильваніи ихъ было 637,873 души, въ Темешварскомъ Банатѣ и Сербскомъ Воеводствѣ 679,556 д., въ военной границѣ 551, 487 д., въ Венгріи 396.931 д. въ Славоніи и Кроаціи 86,681 д. въ 1854 г., въ Далмаціи и Истріи находилось ихъ — 77,935.

ихъ? Потребовались цѣлыя столѣтія для того, чтобы насиліе, наконецъ, восторжествовало. И какъ прочно торжество это! Какихъ мѣръ ни употребляли и ни употребляютъ враги православія для того, чтобы заставить порабощенныхъ забыть о первобытной чистотѣ ихъ вѣры, — не могутъ успѣть въ этомъ. Масса народная, какъ бы по инстинкту, клонится къ лону матери своей, отъ котораго насильно оторвали его.

Въ Венгріи, напр. до сихъ-поръ замѣтны слѣды православной вѣры въ нѣкоторыхъ общинахъ римско-католическаго исповѣданія. Въ такъ называемыхъ гайдукскихъ городахъ: Бешермены, Дорогъ, Шобошло, въ цѣломъ Шобольтскомъ комитатѣ Богослуженіе и теперь совершается по уставу греко-славянскаго исповѣданія, хотя проповѣди говорятся и церковныя пѣсни поются на мадьярскомъ языкѣ; даже пѣснопѣнія эти оканчиваются припѣвомъ древле-славянской Церкви: Господи, помилуй!

У хорватовъ, словонцевъ (въ Крайнѣ, Стиріи, Хорутаніи и Истріи) у серболужичанъ (въ Саксоніи и Пруссіи) тоже постоянно оставались и остаются слѣды вліянія на нихъ просвѣтителей Славянъ. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ по дарованіямъ римско-католическій епископъ угорскаго королевства, присутствовавшій на Тридентскомъ соборѣ (XVI в.), природный хорватъ, Андрей Дудичъ, краснорѣчиво отстаивалъ и необходимость причащенія подъ обоими видами и брачное состояніе духовенства.

Еще видиѣе было во всѣ времена сочувствіе православію у чеховъ и моравовъ. Чехія, не смотря на то, что больше другихъ племенъ славянскихъ терпѣла вліяніе латинства, по крайней мѣрѣ до XV в., вся была проникнута духомъ и ученіемъ Восточной Церкви, сохранившимися отъ временъ св. Меѳодія. Въ самой Прагѣ существовало славянское училище и цѣлый рядъ православныхъ священниковъ. Близъ Праги находится Сазавскій православный монастырь. Евхаристія преподавалась подъ обоими видами. Когда гнали православіе изъ городовъ, тогда оно укрывалось въ глуши лѣсовъ, въ замкахъ вельможъ, въ сельскомъ народонаселеніи. Нѣкоторыя мѣста сдѣлались особенными средоточіями православія. Древняя пѣснь Кирилло-Меѳодіевской церкви до сихъ поръ слышится въ церквахъ чешскихъ.

Наконецъ, что значитъ, извѣстныя образованному міру, разсужденія одного изъ знаменитѣйшихъ въ настоящее время чеховъ о задачѣ австрійскаго государства, о необходимости равноправности въ немъ церковной и гражданской, о свойствѣ новаго государственнаго правленія, о нравственной и политической невозможности для Славянъ принять нѣкоторыя постановленія этого правительства и покориться имъ, — что значитъ это, какъ не выраженіе въ чехахъ влеченія къ своей колыбели?!

Замѣчаемое, въ послѣднее время, движеніе между австрійскими уніатами ясно показываетъ, что они желали бы лучше принадлежать восточной, чѣмъ западной церкви. Галицкій митрополитъ недавно составлялъ соборъ для очищенія ввѣренной ему церкви отъ вкравшихся въ нее, въ разныя времена, измѣненій со стороны латиновъ и для возстановленія въ ней восточнаго обряда и народности. Нѣкоторыя уніатскія церкви, особенно въ сѣверной Венгріи, обращаются съ просьбами о присылкѣ имъ ризницы и книгъ.

Много встрѣчается препятствій къ совершенному соединенію этихъ церквей съ Церковію православною. Соединеніе это въ скоромъ времени совершиться не можетъ; но ему положены уже твердыя основанія въ духѣ народномъ. (Дух. Бес. 1863 г. т. 17 стр. 88).

Въ Польшѣ, часть которой принадлежала епархіи Меѳодіевской, собственно говоря, ублажали и ублажаютъ латинство люди высшаго класса; народъ же никогда ему не сочувствовалъ и не сочувствуетъ. Изъ-за него онъ иногда поголовно возставалъ на латинскихъ бискуповъ и преданную имъ шляхту, какъ это было, по свидѣтельству лѣтописей, по смерти Мечислава XI. Понимая народный духъ въ Польшѣ, и папы только постепенно, въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій и съ крайнею осторожностію, рѣшались замѣнять правила и обычаи Восточной Церкви латинскими. Церкви долгое время строились во вкусѣ греческомъ, св. Писаніе употреблялось въ Славянскомъ переводѣ до XIV в., и тогда только переведено на языкъ польскій, когда народъ не сталъ понимать его по славянски. Посты по уставу Восточной Церкви замѣнились латинскими только съ 1248 г.; безженство священниковъ не было еще вполнѣ введено и въ XV в. св. Дары преподавались подъ обоими видами, по обычаю Восточной Церкви до Тридентскаго собора (XVI в.), принятіемъ котораго Польша окончательно должна была олатиниться. Но и послѣ этого собора латинство имѣло господство въ ней больше наружное. Въ XVII столѣтіи, латинствующее правительство польское и шляхта, по внушенію іезуитовъ, вынуждены были принимать жестокія мѣры противъ православія, коренившагося въ народѣ. За всѣмъ тѣмъ, памятники православія въ Польшѣ можно находить и въ настоящее время. Таковъ Яблочинскій монастырь, въ люблинской губерніи, сохраняющій по сю пору православную вѣру, не смотря на всѣ перевороты, происходившіе около него въ продолженіи многихъ столѣтій; мѣстечко Дрогочинъ, въ той же губерніи, село Моховъ, въ грубешовскомъ уѣздѣ, той же губерніи, исповѣдующее православную вѣру, сосѣднее съ нимъ село Бабицы, гдѣ, недавно, подъ уніатскимъ престоломъ найдены: православный престолъ, сохранившійся въ цѣлости, и подъ нимъ сложенными всѣ православныя Богослужебныя книги (Дух. Бес. т. 18 стр. 487—93. 1863 г.). А послѣднія, несчастныя событія,

происходившія въ Польшѣ, развѣ не ясно показываютъ, какъ простой народъ мало сочувствуетъ видамъ латинства? Въ то время, какъ безумствовали мятежные дворяне и ксендзы, простой народъ постоянно оставался вѣрнымъ православной, единоплеменной ему Россіи, и теперь, когда затихла буря, съ радостію исполняетъ долгъ вѣрноподданничества ей. Такъ могущественны и плодотворны для Славянъ труды ихъ св. апостоловъ!

б) Можно безъ преувеличенія сказать, что этими только трудами Славяне и могли поддержать народную жизнь свою въ продолженіи своего бѣдственнаго, тысячелѣтняго существованія. Труды эти замѣняли для нихъ и науки и открытія и всѣ тѣ способы совершенствованія человѣческаго, какими славились и славятся другіе народы. Не имѣя возможности, среди невзгодъ и тревогъ государственной жизни, идти впередъ, наравнѣ съ своими сосѣдями, въ самостоятельномъ развитіи себя, и даже пользоваться, какъ слѣдуетъ, тѣмъ, что дѣлалось вокругъ нихъ другими для блага человѣчества, они все нужное для своего умственнаго и нравственнаго совершенства почерпали единственно изъ того источника, который былъ открытъ для нихъ — ихъ великими учителями. Это греческія книги, переводимыя на Славянскій языкъ. Не затрадили Славянамъ доступа къ этому животворному источнику враги православія, какъ ни домогались этого. Чѣмъ они болѣе всего надѣялись повредить Божію дѣлу, то именно и послужило къ утвержденію его. Они изгнали изъ Моравіи ревностныхъ учениковъ и сотрудниковъ св. Кирилла и Меѳодія, думая этимъ разрушить самое основаніе спасительныхъ трудовъ ихъ. Премудрость Божія открыла изгнанникамъ еще большее удобство довершить въ другой странѣ неконченное ими. Переселившись изъ Моравіи въ Болгарію, гдѣ, какъ будто бы нарочито для благопоспѣшенія ихъ апостольскимъ трудамъ, Господь воздвигъ вѣнценосныхъ покровителей народнаго образованія, въ лицѣ благочестивыхъ царей Бориса и его сына Симеона, названнаго книголюбцемъ, они съ полнымъ успѣхомъ продолжали проливать Божій свѣтъ на міръ Славянскій. Съ ихъ переселеніемъ въ Болгарію, точно, настало золотой вѣкъ для просвѣщенія этой страны. Не болѣе, какъ спустя 65 лѣтъ, послѣ начала славянской письменности, Болгары имѣли уже на своемъ языкѣ лучшія произведенія греческаго ума по всѣмъ отраслямъ полезныхъ для христіанина знаній — Богословія, нравоучительныя, философскія, историческія, относящіяся къ описанію природы и. т. д.

Съ умноженіемъ книгъ на родномъ языкѣ, съ успѣхомъ шло впередъ и народное образованіе въ Болгаріи, совершенно въ духѣ Славянскихъ апостоловъ. Св. Климентъ, епископъ величскій, ревностный сотрудникъ св. Меѳодія, собравъ до трехъ съ половиною тысячъ молодыхъ людей, самъ занимался обученіемъ

ихъ, чтобы изъ нихъ образовать учителей для прочихъ; самъ училъ ихъ и читать и писать и разумѣть читаемое. Неутомимый въ святомъ трудѣ, онъ нерѣдко, въ одно и тоже время, и писалъ и обучалъ дѣтей. А чтобы распространяемая въ народѣ грамотность была, именно, духовнымъ врачевствомъ для него — дѣйствовала животворно и на умъ и на сердце его, ревнители истиннаго образованія старались книжную мудрость сводить въ область разумѣнія народнаго. Такъ, св. Климентъ составилъ цѣлый кругъ поученій, собственно приспособленныхъ къ уразумѣнію простаго народа, а самъ книголюбивый и благочестивый царь Сумеонъ сдѣлалъ сборникъ такихъ словъ изъ поученій св. Іоанна Златоустаго, извѣстный подъ именемъ «Златоструя» (Христ. Чт. 1848 г. ч. I. стр. 256).

Что была Моравія, по отношенію къ распространенію христіанства въ Славянскомъ мірѣ, то была Болгарія, по отношенію къ распространенію просвѣщенія въ этомъ мірѣ. Переведенныя въ ней книги распространялись во множествѣ списковъ по всѣмъ славянскимъ странамъ, и дѣлались равно безцѣннымъ и доступнымъ, по языку, сокровищемъ какъ для перваго, такъ и для послѣдняго члена великой семьи славянской. Слѣдствія этого были самыя благотворныя.

Языкъ Славянскій, подъ вліяніемъ образованнѣйшаго языка греческаго, къ воспріятію свойствъ и красотъ котораго, по замѣчанію ученыхъ, онъ особенно способенъ (Мефод. Сборн. 1866 г. стр. 90), быстро развивался, обогащался и совершенствовался, и сдѣлался, по отзыву одного изъ первыхъ ученыхъ своего времени, да еще и не русскаго, образованнѣйшимъ изъ всѣхъ новыхъ языковъ, и прежде всѣхъ ихъ (тамъ же стр. 38).

Тогда какъ западъ, въ средніе вѣка, коснѣлъ въ невѣжествѣ, не понимая даже того, что читалось и пѣлось въ церкви Божіей, или дѣтствовалъ умомъ, забавляясь то бреднями алхимистовъ, то пустословіемъ номиналистовъ и реалистовъ, достойныхъ питомцевъ язычника — Аристотеля, котораго на западѣ часто слушали больше, чѣмъ Апостола Христова, — Славяне, пользуясь, на родномъ языкѣ, словомъ Божіимъ, твореніями св. Отцевъ, учеными произведеніями цвѣтущихъ временъ Византіи, имѣли, если не обширныя, то вѣрныя и точныя знанія о всѣхъ важнѣйшихъ предметахъ, занимавшихъ когда либо умъ человѣческій. Имъ хорошо знакомы были, прежде другихъ, даже изящныя искусства греческія; особенно такія, которыя имѣли связь съ ихъ вѣрою, напр. церковное зодчество, ваяніе, живопись. Произведенія этихъ искусствъ уважались Славянами съ самыхъ древнихъ временъ, особенно въ монастыряхъ. Самъ апостолъ Славянскій Кѵріллъ, по преданію, былъ отличный живописецъ. Божитѣхъ, четвертый игуменъ чешскаго Сазавскаго монастыря,

тоже славился, какъ превосходный живописецъ; кромѣ того онъ дѣлалъ мозаическія картины и рѣзныя работы. Въ XIV в., въ Прагѣ существовали даже цѣлыя славянскія братства живописцевъ, въ византійскомъ вкусѣ, подобныя нынѣшнимъ академіямъ художествъ. Тѣмъ же направленіемъ отличались и закарпатскіе Славяне.

в) Въ то время, какъ на темномъ западѣ бушевали языческія страсти и грубые пороки всякаго рода, покровительствуемые самими учителями вѣры, въ Славянскомъ мірѣ, гдѣ были народными воспитателями Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ и имъ подобные, умѣли свято чтить и правила христіанской нравственности. Не одного Савву, великаго святителя сербскаго, принесъ онъ въ чистую жертву Богу (сконч. 1236 г.). А если и замѣчались въ немъ, по временамъ, важные нравственные недостатки, то ихъ было гораздо менѣе, чѣмъ на западѣ, и, притомъ, большею частію, они были порожденіемъ запада же. Общее нравственное направленіе Славянъ, во всѣ времена, было чисто христіанское. Отъ Бога начиналъ Славянинъ и Богомъ оканчивалъ всѣ свои занятія; въ религіи онъ искалъ утѣшенія всѣмъ своимъ страданіямъ. Есть напр. свидѣтельство 966 г. о томъ, какъ Болгары, во время засухи, въ постѣ и молитвѣ упрашивали Бога, чтобы Онъ послалъ на землю дождь. Угорское дворянство носило съ собою древо св. креста, какъ орудіе противъ всѣхъ опасностей жизни. Короли поручали свои государства покровительству Божіей Матери и почитали Ее своею главною заступницею.

«Молись и трудись» было поговоркою Славянина. И Славяне, точно, всегда отличались трудолюбіемъ. Мужчины занимались хлѣбопашествомъ, торговлею, полезными ремеслами, чрезъ что пріобрѣтали умѣнье, легкость и постоянство въ трудѣ, которому всегда удивлялись въ славянскомъ народѣ; женщины трудились, сообразно съ своими силами и назначеніемъ. Прялка, кудель, веретено, пятки — были самыми любимыми словами на языкѣ Славянки. — Простота жизни и чистота нравовъ славянскихъ достойны всякаго подражанія. Славянская княгиня, напримѣръ, или княжна отнюдь не считала для себя предосудительнымъ прясть пряжу или шить бѣлье вмѣстѣ съ своею служанкою. Славяне любили опрятность, но не расточительное щегольство; любили пиры, угощенія, но не терпѣли невоздержанія. Свободное отъ трудовъ время проводили они въ занятіяхъ, укрѣпляющихъ физическія силы (какова охота за звѣрями), въ дружескихъ бесѣдахъ, въ чтеніи Псалтиря, житій святыхъ, въ пѣніи псалмовъ и пѣсней духовныхъ. Самыя обыкновенныя ихъ пѣсни отличались назидательностію.

Когда Византійская имперія окончательно пала, когда на западѣ возникли науки, распространилось образованіе, тогда Славяне, продолжавшіе, по прежнему,

учиться всему доброму, тѣмъ же путемъ, какимъ учились ему ихъ предки, по видимому, далеко отстали отъ европейскаго просвѣщенія, и Европа съ сожалѣніемъ смотрѣла на нихъ. Но эта-то отсталость, какъ показалъ опытъ, и спасла имъ Славянство. Распространялось западное просвѣщеніе въ Силезіи, Лузаціи, Чехіи, Польшѣ. И сюда пріѣзжали изъ Италіи, Франціи модные просвѣтители, и отсюда многіе отправлялись въ чужіе края искать славы модной учености. Но чѣмъ все кончилось? Тѣмъ, что мы теперь видимъ въ этихъ земляхъ. Чужимъ добромъ они не завладѣли, а своего лишились. Внутренняя связь между высшими сословіями, усвоившими себѣ чужой языкъ, чужіе нравы, и народомъ, не могшимъ идти по ихъ слѣдамъ, разрушена, единство народное, языкъ родный, потеряны. Между тѣмъ съ новымъ образованіемъ получили доступъ къ нимъ и модные недостатки: свобода мыслей, чуждая Славянамъ роскошь, порча нравовъ. Иноземцы даже намѣренно проводили все это въ жизнь Славянскую, чтобы скорѣе уничтожить ее. И можно ли было Славянамъ, во всякомъ случаѣ, ожидать истинной пользы для себя отъ новаго образованія когда образователи ихъ и не понимали и не имѣли нужды понимать, чѣмъ собственно жилъ и живетъ Славянинъ? Первыми двигателями этого образованія было латинское духовенство, всецѣло преданное вліянію католицизма. Такимъ ли людямъ было заботиться о самобытности или народности образованія, о духѣ и внутреннемъ значеніи его?

Отсталость нѣкоторыхъ изъ Славянъ отъ европейскаго образованія, должна возбуждать въ людяхъ благомыслящихъ не сожалѣніе, а искреннее благоговѣніе предъ Тѣмъ, Кто такъ попечительно хранилъ и хранитъ ихъ отъ погибели.

г) Сохранивъ свой церковный языкъ, который у нихъ былъ одинъ для всѣхъ, Славяне соблюли нравственное единство между собою. Онъ постоянно и живо напоминалъ имъ, что всѣ они родные братья, члены одной великой семьи, обязанные, какъ можно, ближе быть другъ къ другу. Сохранивъ его, они въ цѣлости соблюли и свои преданія и свою народность, столько дорогія даже для тѣхъ славянскихъ отраслей, которыя значительно увяли отъ тлетворнаго дыханія на нихъ чуждой имъ стихіи.

Не только у тѣхъ Славянъ, которые еще не потеряли народныхъ свойствъ своихъ, но даже у тѣхъ, кои, по видимому, живутъ уже не своею жизнію, уваженіе къ этимъ преданіямъ не погибло. Вся Европа забыла свои народныя преданія, а Славяне не забыли своихъ. Они по сю пору воздыхаютъ о былыхъ отдаленнѣйшихъ временахъ своей жизни. Не забыли они ни древней славы Нитры своей, ни храбраго защитника народной свободы своей, князя Святополка, ни св. апостоловъ своихъ, вдохнувшихъ въ нихъ чистыя начала жизни. «Нитра,

милая Нитра, о, ты высокая Нитра! жалобно взываетъ Славянинъ, обращаясь къ своей глубокой старинѣ. Гдѣ то время, когда ты здѣсь процвѣла? Нитра, о, ты Славянская мать! Одинъ взглядъ на тебя заставляетъ насъ проливать слезы. Ты была нѣкогда главою всѣхъ странъ, въ которыхъ протекаютъ Дунай, Висла и Морава; ты была мѣстопребываніемъ короля Святополка, когда здѣсь господствовала его сильная рука. Ты была св. городомъ Меѳодія, когда здѣсь нашимъ отцамъ проповѣдывалъ онъ Божественное слово. Вся твоя слава лежитъ въ пропасти сокрытая: такъ время перемѣнчиво, такъ идетъ этотъ свѣтъ».

Ровно тысяча лѣтъ тому, какъ Ростиславъ и Святополкъ, князья моравскіе, съ неустрашимымъ мужествомъ ратовали за свободу Славянскаго народа. Ровно тысячу лѣтъ народъ этотъ страдаетъ въ борьбѣ за ту же свободу, а измѣнился ли, вообще говоря, хоть сколько нибудь духъ его? Не тотъ ли онъ и теперь, какимъ бы за тысячу лѣтъ назадъ? По прежнему, чуждается онъ всего, не роднаго ему, по прежнему, хочетъ жить своею собственною жизнію. Мы упомянули уже о замѣчаемомъ между австрійскими Славянами недовольствѣ на настоящее устройство австрійскаго правленія, и сказали, что хотятъ выразить этимъ Славяне. А что значитъ вся, такъ называемая, теорія панславизма (устройство изъ Славянъ одного государства, съ однимъ общимъ языкомъ), о которомъ жарко разсуждаютъ нынѣ въ Славянскихъ земляхъ? Напрасно сталъ бы кто, судя по этимъ явленіямъ, винить Славянъ въ какомъ либо мятежничествѣ. Нѣтъ; они не мятежники; они лучше каждаго понимаютъ важность законной власти, и умѣютъ чтить ее, какъ учрежденіе Божіе. Они хотятъ только быть Славянами, учениками великихъ и незабвенныхъ просвѣтителей своихъ, св. Кѵрілла и Меѳодія.

Нѣкоторые изъ отечественныхъ ученыхъ обратили вниманіе на то, что Русская Церковь въ одно и тоже число, 11-го Мая, празднуетъ и память просвѣтителей Славянскихъ и обновленіе Царяграда, и спрашиваютъ: не пророчество ли, не предзнаменованіе ли это какое о судьбѣ Славянскаго народа, т. е. не назначено ли ему свыше обновить когда нибудь и вѣру и образованіе и вліяніе на другіе народы, замѣчательнѣйшаго во всемірной исторіи, народа греческаго? Есть, или нѣтъ, какое предзнаменованіе въ совпаденіи помянутыхъ празднованій, не знаемъ; знаемъ только, что Славянскій народъ, въ продолженіе своихъ тысячелѣтнихъ страданій, подъ вліяніемъ благотворныхъ трудовъ своихъ просвѣтителей, выработалъ самыя твердыя основанія для всякаго величія,—что онъ еще не совершилъ своего назначенія, что истинная жизнь его и ея плоды — впереди...

Мужайся и крѣпись, благословенный Богомъ, народъ Славянскій! Не уклоняйся съ пути, премудрымъ Промысломъ тебѣ указаннаго! Сильны предъ Богомъ молитвы и предстательство апостоловъ и присныхъ хранителей твоихъ! Крѣпки тѣ силы, которыя они вдохнули въ тебя! Рано ли, поздно ли, настанетъ и твоя череда наслаждаться счастіемъ и разливать радость вокругъ себя!..

IX.

Ими же и мы, яко дивїя маслина, къ благоплодному корени Православїя прицѣпихомся; и прїяхомъ отъ Христа Бога миръ и велїю милость. Вечерн. стих. изъ служеб. Св. Кѵр. и Меѳ.

Къ чему другія славянскія племена только еще стремятся, того, покровительствуемая особеннымъ Промысломъ Божіимъ, Россія давно уже достигла. Давно стала она державою великою, царствомъ могущественнымъ и славнымъ, богатымъ внутреннею жизнію и силами. Не имѣла она никогда недостатка ни въ великихъ праведникахъ, ни въ мудрыхъ правителяхъ, ни въ храбрыхъ защитникахъ своей цѣлости. Кому же, послѣ Бога, она обязана своимъ величіемъ и славой? Университетовъ, академій и т. п. до позднѣйшаго времени, въ ней не было; за чужою помощію, долгое время, она никуда не обращалась, даже какъ-то боялась ея. Кто же училъ и научилъ ее всему истинно доброму, прекрасному, великому? Съ любовію нѣжной матери, спѣшила нѣкогда на помощь къ ней образованная правовѣрная Византія. Но что особеннаго могла сдѣлать она для ней однимъ своимъ участіемъ, въ ту пору, когда сама уже начинала нуждаться въ чужой помощи, — притомъ, незнакомая съ ея жизнію, обычаями, языкомъ? Не Византія собственно вліяла на Россію; вліяли на нее труды св. просвѣтителей Славянскихъ, съ коими она благоразумно сблизила ее; св. Кѵріллъ и Меѳодій, — ихъ животворное слово, ихъ Божественныя книги — вотъ что основало, возвеличило и утвердило славу Русскую!..

Въ 862 г., основалось Русское царство. Въ томъ же году, или въ началѣ слѣдующаго, выступили на свое великое поприще и апостолы Славянскіе. Кто не видитъ въ такомъ счастливомъ совпаденіи этихъ великихъ событій особеннаго дѣйствія, Промысла Божія? Какъ будто бы нарочно отлагалось образованіе царства Русскаго до этого времени, чтобы его основаніе не лишилось лучшаго для себя укрѣпленія...

АПО́СТОЛЫ СЛАВЯ́НЪ СВЯТЫ́Е КѴРІ̑ЛЛЪ И МЕѲО́ЛІЙ.

ТИПОГРАФІЯ А. ТРАНШЕЛЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

Въ 867 г., Аскольдъ и Диръ, князья кіевскіе, пораженные Божіею казнію за покушеніе расхитить Византію, достояніе Ап. Андрея, водрузившаго животворящій крестъ Христовъ на ихъ горахъ, уже и просвѣщаются свѣтомъ Христовымъ, поданнымъ имъ тѣмъ же великимъ свѣтильникомъ вселенской Церкви, патріархомъ Фотіемъ, который благословилъ на спасительные подвиги апостоловъ Славянскихъ, и, безъ сомнѣнія, вкушаютъ и первые плоды этихъ подвиговъ, учатся новой вѣрѣ, приносятъ разумную службу Богу, на Славянскомъ языкѣ, по книгамъ св. Кѵрілла и Меѳодія.

Эти книги не переставали приносить въ Россіи вожделенный плодъ и послѣ мученической кончины Аскольда и Дира. Христіанство въ ней и послѣ нихъ непрерывно продолжалось. Знакомясь съ его пастырями, книгами, Богослуженіемъ, кіевскіе язычники легко могли знакомиться и съ самымъ христіанствомъ. Такъ, именно, научилась уважать его благовѣрная, великая княгиня Ольга, которая, еще бывши язычницею, любила бесѣдовать съ однимъ изъ христіанскихъ пастырей кіевскихъ, по имени Григоріемъ. Чѣмъ болѣе развивалось царство Русское, тѣмъ обширнѣе становились его сношенія съ другими землями, особенно Славянскими, какова, напримѣръ, Болгарія. Возможно ли, чтобы Русскіе, при этихъ сношеніяхъ, не испытывали на себѣ благотворнаго вліянія трудовъ св. Кѵрілла и Меѳодія, — не чувствовали и прелести языка ихъ и величія христіанскаго Богослуженія? Не это ли вліяніе, прежде всего, и породило въ нихъ общее расположеніе перемѣнить старую вѣру (языческую) на новую — лучшую (Христіанскую), расположеніе, сдѣлавшееся столь извѣстнымъ между сосѣдними народами, что они, одинъ передъ другимъ, спѣшили прислать къ нимъ своихъ проповѣдниковъ?

Какъ-бы то ни было, при св. Владимірѣ христіанство восторжествовало въ Россіи надъ язычествомъ, и сдѣлалась господствующимъ. При всемъ предрасположеніи Русскихъ, въ пользу христіанства, нельзя, однакожъ, довольно надивиться тому счастливому успѣху, съ которымъ совершилось это великое событіе въ царствѣ Русскомъ. Уже при св. Владимірѣ свѣтъ Христовъ проникъ во всѣ концы Россіи, тихо, мирно. Что же было причиною такого, почти безпримѣрнаго въ церковной исторіи, успѣха? Труды св. Кѵрілла и Меѳодія! Ихъ сладкое, могучее слово, на которомъ Русскіе принимали животворное ученіе отъ служителей Евангелія, — ихъ медоточныя книги, по которымъ эти служители учили новообращенныхъ христіанъ славить величіе Божіе. Кто были и самые учители эти, какъ не ученики же св. Кѵрілла и Меѳодія? Грековъ не прислали бы изъ Византіи учить Русскихъ вѣрѣ. Русскіе не могли понимать грековъ.

Христіанство воздѣйствовало на Россію особенно благотворно. На первыхъ же порахъ, его плоды и стали въ ней обнаруживаться. Явились въ ней ревнители отечественнаго просвѣщенія, каковы были св. Владиміръ, Ярославъ, князь кіевскій, Ярославъ галицкій, Романъ смоленскій, Константинъ ростовскій; явились училища, ученые мужи, положившіе твердое основаніе русскому слову и русской мысли: Іаковы черноризцы, Несторы лѣтописцы, Иларіоны, Кѵріллы, истинные Златоусты Русскіе. Возсіяли въ ней равноангельскою жизнію великіе праведники: Антоній, Ѳеодосій — печерскіе и не смѣтное число другихъ подвижниковъ Христовыхъ, всякаго званія и состоянія, пола и возраста. Умножились, какъ звѣзды небесныя, храмы Божіи, обители святыя. Искреннее благочестіе проникло во всѣ слои народные, и сдѣлалось лучшимъ украшеніемъ, какъ палатъ княжескихъ, такъ и жилищъ простыхъ людей. Отцы, умирая, завѣщавали его дѣтямъ своимъ, какъ наслѣдство безцѣнное. Церковь и государство, движимыя однимъ духомъ вѣры и благочестія, одними высшими стремленіями, слились въ одно царство Божіе, въ которомъ не знали различія между добродѣтелями христіанскими и доблестями гражданскими. Какъ тѣ, такъ и другія утверждались на одномъ основаніи, совершались по однимъ побужденіямъ, для одной послѣдней цѣли — славы Божіей. Пастыри Церкви отечески заботились о счастіи князей и, ввѣреннаго имъ, народа; — князья принимали искреннее участіе въ благѣ Церкви. Что же было причиною такого счастливаго воздѣйствія на Русскихъ — вѣры христіанской? Азбука, грамота, книги св. Кѵрілла и Меѳодія. Онѣ первыя пробудили въ нихъ жажду духовнаго вѣдѣнія, указали имъ источникъ воды живой, для утоленія этой жажды, и открыли способъ, какъ могутъ они почерпать эту воду. Ихъ списывали князья и простые люди, духовные и міряне. По нимъ молились Русскіе Богу въ церкви и дома, по нимъ учились они въ училищахъ; ихъ читали, изучали они въ кругу семейномъ. Эти Божественныя книги положили основаніе успѣху вѣры и гражданственности Русской!

250 лѣтъ, не болѣе, продолжалось счастіе Россіи, по введеніи въ ней Христіанства. Свирѣпый монголъ, какъ дикій вепрь, неистово попралъ и разрушилъ все ея благодатное насажденіе. Погибли въ ней цвѣтущіе города и села, благоукрашенные храмы Божіи и св. обители. Не стало училищъ; не много уцѣлѣло и книгохранилищъ; казалось, пришелъ страшный конецъ Россіи. Чуть-чуть не три вѣка пили соки ея жадные поработители, терзая ее бѣдствіями всякаго рода. Но она не погибла. Ея вѣра, благочестіе, обычаи, языкъ, народность, свобода, — все спасено. Кто же спасъ ее? Св. Кѵріллъ и Меѳодій, — ихъ азбука, книги, тѣ, которыя уцѣлѣли въ ней отъ всеобщаго разгрома, и тѣ, которыя получала она отъ одновѣрныхъ и одноплеменныхъ ей болгаръ и

сербовъ, прямо и чрезъ Аѳонъ. Слушая въ храмахъ Божіихъ, читая дома эти книги, тѣмъ съ бо́льшимъ усердіемъ, чѣмъ больше онѣ способны пролить въ душу, уязвленную скорбію, утѣшенія и отрады, Русскіе учились и право вѣровать въ Бога и свято чтить Его, — и обязанности христіанина исполнять, и долгъ добрыхъ гражданъ уважать. Чѣмъ священнѣе казались въ глазахъ ихъ эти книги, тѣмъ дороже и неприкосновеннѣе были для нихъ и языкъ и обычаи — все, что онѣ передавали имъ. По этимъ книгамъ воспитались: Серапіонъ, пастырь и знаменитый витія суздальскій, — Св. Петръ, Алексій, Іона — великіе первосвятители Русскіе, — ревностный просвѣтитель пермскихъ зырянъ, святитель Стефанъ, Богоносный Сергій Радонежскій, преподобный Кѵрілл Бѣлозерскій, Германъ, Савватій, соловецкіе чудотворцы, и весь тмочисленный сонмъ угодниковъ Божіихъ, просіявшихъ небесною славою въ темные годы владычества монголовъ въ Россіи. По этимъ книгамъ учились: мудрый, храбрый, святый Александръ Невскій, Михаилъ тверской, Дмитрій Донской и прочіе князья Русскіе. Эти книги, подъ вліяніемъ горькихъ опытовъ, раскрыли Русскимъ князьямъ силу словъ Спасителя: всяко царство, раздѣльшееся на ся, не станетъ, — научили ихъ хранить братскую любовь между собою, утвердили въ нихъ мысль о русскомъ единодержавіи и окончательно скрѣпили святый союзъ Русскаго царства съ Церковію... Вдохновенныя ими слова: «за вѣру, за царя, за Русь святую» сдѣлались, съ тѣхъ поръ, однимъ, нераздѣльнымъ, могучимъ, какимъ-то магическимъ словомъ для всѣхъ и каждаго въ Россіи, значеніе и силу котораго только одна она и понимаетъ. Книгами св. Кѵрілла и Меѳодія сокрушены козни Шемяки, расторгнуты сѣти папы Евгенія IV, разставленныя имъ для уловленія Русскихъ, — истреблена нечестивая ересь жидовствующихъ въ Новгородѣ и Москвѣ. Эти книги подавали Русскимъ крѣпость и мужество, когда они спасали себя отъ нападенія враговъ сильныхъ, или, въ ожиданіи узъ и смерти, являлись въ станъ монгольскій, предъ грозное лице повелителей своихъ. Эти книги вдохнули въ Донскаго героя рѣшимость, въ первый разъ, вступить въ страшный бой съ вѣковымъ врагомъ, и даровали ему славное имя освободителя Россіи. Услышавъ о вступленіи въ предѣлы Россіи безбожнаго Мамая со всѣмъ воинствомъ своимъ, и не зная въ ужасѣ, что предпринять, онъ, прежде всего, пролилъ слезы предъ иконою Пресвятой Богородицы, въ храмѣ Ея. Благодать Божія разсѣяла страхъ. Онъ рѣшился идти на встрѣчу врагу. Богоносный ученикъ св. Кѵрілла и Меѳодія, великій угодникъ Божій, Сергій, окропилъ его водою святою, благословилъ, предсказалъ побѣду, далъ ему двухъ иноковъ въ сподвижники, и, вручивъ имъ знаменіе креста, сказалъ: «вотъ оружіе нетлѣнное! пусть будетъ оно вмѣсто шлемовъ вамъ». (Карамз. Т. V, стр. 65, 1819 г.)!

Полный упованія на Бога, герой пришелъ на мѣсто брани, произнёсъ псаломъ Давида: Богъ нашъ прибѣжище и сила, и — первый бросился на враговъ (Тамъ же стр. 71).

Свергнула съ себя тяжкое рабство монгольское несокрушимая Русь, и стала снова расти и благоустрояться. Ей покорились Казань, Астрахань. Сибирь. Почувствовали силу ея Лифляндія, Польша. Кто же теперь явились на помощь ей? Все тѣ же книги св. Кирилла и Меѳодія. Ученый, ревностный къ благу Церкви и государства, митрополитъ Макарій, Сильвестръ, мудрый и благочестивый совѣтникъ царскій, Адашевъ, вѣрный слуга Русскій, св. Филиппъ, неустрашимый обличитель царя Грознаго, самъ Грозный, умѣвшій искупать свои ошибки великими подвигами, весь Русскій народъ, умѣвшій и Грознаго царя любить, — всѣ были питомцы книгъ Кирилло-Меѳодіевыхъ!.

Насталъ и XVII вѣкъ, многомятежный и страшный для Россіи. Пламя монгольскихъ страданій было сноснѣе того огня, которому попустилъ Господь разлиться по Россіи, съ наступленіемъ этого вѣка. И Церкви и государству угрожала одинаковая участь — конечное истребленіе.

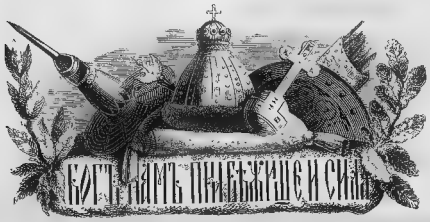
Бѣдствія временъ русскаго самозванничества, 1612 года, — эти бѣдствія не чернилами, а кровію записаны на страницахъ исторіи Русской. Чѣмъ же погашены разженныя стрѣлы, которыми поражали въ самое сердце и Церковь и царство святой Руси коварные и злые враги ея? Книгами св. Кирилла и Меѳодія. Простой гражданинъ Мининъ, князь Пожарскій, патріархи: Іовъ, Гермогенъ, — келарь Авраамій Палицынъ, Троицкая лавра, Москва, — вся вѣрная Богу и Царю Русь, подвигшаяся на спасеніе Церкви и Отечества, знали только однѣ книги св. Кирилла и Меѳодія. Дивно ли, послѣ этого, что Русскій народъ сложился совсѣмъ иначе, чѣмъ всякій другой народъ, — что по его убѣжденію, нѣтъ вѣры лучше его вѣры, нѣтъ царства выше его царства, нѣтъ книгъ священнѣе и дороже его церковныхъ книгъ? Когда въ XVII вѣкѣ власть церковная и гражданская приступила къ исправленію разныхъ поврежденій, вкравшихся въ церковныя книги отъ времени и отъ неблагопріятныхъ для Россіи обстоятельствъ, многіе изъ Русскихъ, въ простотѣ своей, сочли это дѣло прямо святотатствомъ, богохульствомъ, и скорѣе рѣшились пожертвовать жизнію, чѣмъ стерпѣть измѣненіе въ нихъ нѣсколькихъ словъ и буквъ. Открылся расколъ, который по сю пору причиняетъ столько заботъ и Церкви и государству. — Въ послѣдней половинѣ XVII вѣка правительство Русское стало заводить училища въ Москвѣ, приглашая къ себѣ учителей изъ южной Россіи. Въ Москвѣ тотчасъ же послышался непріятный шумъ въ слѣдствіе этого. И училища заводились, и науки шли въ нихъ, поэтому, очень тяжело. Послѣ того, что Русскіе сдѣлали, при

помощи своихъ книгъ, имъ какъ бы не вѣрилось, чтобы при нихъ всякая другая наука на что нибудь могла пригодиться имъ. Они даже боялись чужеземной науки, подъ вліяніемъ которой воспитались враги ихъ, причинившіе имъ столько зла. Мощная рука Петра отворила дверь въ Россію европейскому просвѣщенію. Высшій классъ ея кое-какъ пошелъ по пути, ему указанному, опираясь на Божественныя русскія книги. Но низшіе классы не пошли за классомъ высшимъ, переставъ даже считать его своимъ, прервавъ съ нимъ внутреннюю, родную связь. Обязанности свои и эти классы хорошо помнили и помнятъ; духъ въ нихъ все тотъ же, какой и былъ. 1812 годъ, 1853—1856 годы ясно доказали это, а учатся они не охотно по новымъ книгамъ. Ни искусныя букварныя изображенія арбузовъ, барановъ, гусей, ни улучшеніе соединенія буквъ, ни новыя, болѣе мягкія, названія ихъ, ни сказки, ни басни, ни загадки, издаваемыя красивыми книжками, въ желтыхъ, зеленыхъ, красныхъ оберткахъ, — ничто не привлекаетъ ихъ. Они хотятъ священной для нихъ Кирилловской азбуки, въ которой одной они думаютъ найти для себя больше мудрости, чѣмъ въ многотомныхъ людскихъ сочиненіяхъ, и которая, самымъ названіемъ буквъ, учитъ ихъ и азъ — букву вѣдать, и глаголь добромъ считать и мыслить, что нашъ Онъ, Владыка всяческихъ — покой, и рещи-слово твердо. Они хотятъ имѣть предъ глазами своими: Ангеловъ, Архангеловъ, Богородицу; — гусей же, барановъ, ведра они и безъ того часто видятъ. Имъ нужны Часовникъ, Псалтирь, Притчи Соломоновы, Премудрость Сирахова, Новый Завѣтъ, при помощи которыхъ они хорошо понимаютъ и свой внутренній міръ — свою грѣшную душу — и внѣшнюю природу, — что дождь и что ясная погода. Простой Русскій народъ не иначе думаетъ о просвѣщеніи, какъ о предметѣ священномъ. Человѣкъ ученый, по его понятію, есть вмѣстѣ и человѣкъ Богобоязненный. По его убѣжденію, такой человѣкъ ни о чемъ другомъ и говорить не можетъ охотно, какъ только о Священномъ Писаніи. Въ этомъ то и заключается народная поговорка; «ученіе свѣтъ, а неученіе тьма». И точно, Русскій народъ, или, если угодно, простой народъ, не боится грамотности и образованія, но онъ боится одного, — чтобы не дали ему камня, вмѣсто хлѣба, и змѣи вмѣсто рыбы, чтобы, не отняли у него и того, что онъ имѣетъ, подъ предлогомъ — дать то, чего ему недоставало. Обвинять-ли за это Русскій простой народъ — въ глупости, невѣжествѣ, неподвижности, грубости и отсталости? Едва-ли это было-бы справедливо. Припомнимъ, что еще недавно, редакторъ одной свѣтской газеты (День) торжественно заявилъ, что будущіе наши просвѣтители, истинно русскіе писатели и ученые, сидятъ теперь не въ аудиторіяхъ университетовъ и академій, а на грубыхъ скамейкахъ въ сельскихъ школахъ, не съ нѣмецкими

и французскими «руководствами» и «самоучителями» въ рукахъ, а съ деревянными «указками», читаютъ по складамъ священныя для учащихся слова: Азъ: Ангелъ, ангельскій; Буки: Богъ, Божество, Богородица, блаженъ, благословенъ: Глаголь: Господь, господство и проч. и проч.

Сколько добра можно сдѣлать Россіи, благоразумно пользуясь прекраснымъ настроеніемъ народа ея!..

О, дивные угодники Божіи, Кирилле и Меѳодіе, сколько милліоновъ людей вы привлекли къ своей азбукѣ! А сколько милліоновъ душъ привлекли вы къ Господу!!! Не переставайте выну вести насъ къ свѣту Божію!



НАЧЕРТАНІЕ ПРАВОЙ ВѢРЫ,

ИЗЛОЖЕННОЕ

БЛАЖЕННЫМЪ КОНСТАНТИНОМЪ, ФИЛОСОФОМЪ,

ЕЖЕ ИНОЧЕСТѢ

КѴРІЛЛОМЪ,

УЧИТЕЛЕМЪ НАРОДА СЛАВЯНСКАГО.

Восх. Чт. гл. IV, стр. 408.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Константинъ, философъ, учитель Славянскій, правовѣрно исповѣдую о истинномъ Богѣ нижеписанное:

Вѣрую во единаго Бога Отца, Вседержителя, Творца и Господа всѣмъ видимымъ и невидимымъ, безначальнаго, и видимаго, необъятнаго [1]), неизмѣннаго, безконечнаго; и во единаго Господа Іисуса Христа, Сына единороднаго безначально, безвременно и прежде всѣхъ вѣковъ отъ существа Отча возсіявшаго; и во единаго Духа Святаго, отъ единаго Бога Отца исходящаго, со Отцемъ и Сыномъ богословимаго и славимаго, Имъ соестественнаго и съ Ними пребывающаго. Славлю убо Троицу по ѵпостасямъ, т. е. лицамъ,

[1]) Неодрьжима.

ни одного изъ сказанныхъ не смѣшивая (съ другими), ни отдѣляя [1]), наблюдая различительныя [2]) свойства, — ибо нисколько не прилагаемъ и не отъемлемъ [3]). Отцу свойственно нерожденіе и быть виною сущимъ отъ Него; Сыну свойственно рожденіе, а Духу исхожденіе. И какъ отъ Отца токмо раждаемое и исходящее возсіяло, и какъ свѣтъ, то и другое, отъ свѣта произошло: то единъ свѣтъ надъ всѣмъ міромъ, тройственный [4]), трисолнечный. Покланяюся единому по существу, совокупляющемуся во едину высоту Божества, пресущественную и преестественную, нераздѣльному и неразлучному, имѣющему славу и державу во единомъ совѣтѣ и хотѣніи, и во единой силѣ и дѣйствіи познаваемому, какъ Царю всѣхъ и всѣмъ обладающему, пріемлющему поклоненіе и служеніе отъ всей твари, видимой и невидимой, равночестному и равнопрестольному. Ибо видимъ Божество едино въ трехъ, соединяемыхъ по существу, но три лица въ единомъ Божествѣ; нераздѣльно раздѣляемъ, по различію (личныхъ) свойствъ каждаго, — не дѣлая Сына тѣмъ же съ Отцемъ нерожденнымъ, ибо Онъ (Сынъ) рожденъ, ни Св. Духа тѣмъ же съ Отцемъ и Сыномъ, ибо исходитъ отъ Отца, — не зная и раздробленія, по причинѣ естественнаго единенія и нераздѣльности, но къ общенію естества прилагая различіе свойствъ (личныхъ). Раздѣляется нераздѣльно и совокупляется раздѣльно: ибо едино въ трехъ Божество и тріедино въ нихъ Божество, какъ учитъ насъ Богословъ Григорій Назіанскій. Чту убо Бога-Отца, отъ Коего все приведено въ бытіе; славлю Бога Сына, Имже вся быша и все въ бытіи пребываетъ; величаю Бога-Духа Святаго, Которымъ все сохраняется и содержится. Чту единаго Бога въ трехъ, не раздѣляя единаго Божества на три Бога, да не вниду въ трое-боніе, или паче — въ многобожное безбожіе; и признаю Каждое отъ сихъ лицъ совершеннымъ: ибо исповѣдую не изъ трехъ несовершенныхъ единое нѣчто совершенное, но изъ трехъ совершенныхъ пресовершенное и пресовершеннѣйшее, какъ научаетъ благословесіе святыхъ Отцевъ. Не по существу убо раздѣляю (ибо естество тоже), но по свойствамъ (личнымъ), совокупляя въ единствѣ существа, а противное сему мнѣніе отмѣтаю: ибо въ единосущной Троицѣ нельзя видѣть ни большаго ни меньшаго по существу или по Божеству. Симъ угашаю неистовство аріанское. И опять, не дѣлаю смѣшенія въ единомъ существѣ, но, полагая дѣйствительныя лица и имена, предлагаю раздѣльное въ томъ, что совокуплено по существу. Симъ помрачаю неистовство савелліанское. (Два зла противныя, но у нечестивыхъ какъ-бы татебно совмѣщающіяся). Совокупляя, раздѣляю благочестно, а раздѣляя, совокупляю боголѣпно.

---

[1]) Несмѣсна, не размѣсна. [2]) Размѣсная. [3]) Движемъ. [4]) Тримѣсячемъ.

Исповѣдую также, что единъ отъ единосущной Троицы, Господь нашъ Іисусъ Христосъ и Богъ нашъ, заря отеческой славы, свѣтъ отъ свѣта, неизмѣнное подобіе Отца и образъ существа Его, пришелъ во плоти на землю и совершилъ дѣло смотрѣнія еже о насъ [1]), бывъ по нашему образу. Ибо движимый неизреченнымъ человѣколюбіемъ, милосердіемъ милости и щедротами, Онъ не потерпѣлъ зрѣть родъ нашъ до конца порабощеннымъ лютому мучителю, но, по благословенію Отца и по содѣйствію пресвятаго и животворящаго Духа, нимало не отступивъ отеческой славы, и никакимъ образомъ не оставивъ Своихъ боголѣпныхъ почестей, волею низшелъ во смиреніи, и воплотился отъ Св. Духа и отъ Пресв. и славной по истинѣ Богородицы и Приснодѣвы Маріи, предочищенной Духомъ по душѣ и по плоти, и сталъ по всему человѣкомъ, кромѣ грѣха, облекся въ смертное, смерти подверженное и ограниченное естество. Онъ есть единъ изъ двухъ естествъ, Божескаго и человѣческаго, пребылъ по всему совершеннымъ и неизмѣннымъ по Божеству, а также совершеннымъ и непреложнымъ по человѣчеству, которымъ и пожилъ съ нами. Своимъ убо несогрѣшеніемъ исцѣлилъ преслушаніе Адамово, а вольною страстію по плоти, животворящею смертію и боголѣпнымъ воскресеніемъ разоривъ истлѣніе, отъ грѣха произшедшее, даровалъ намъ нетлѣніе. Ибо воскресъ тридневно, испровергши смерть; бысть первенецъ изъ мертвыхъ; наставилъ Собою родъ человѣческій на путь безсмертія, избавилъ насъ отъ насилія невидимаго врага нашего. Все сотворилъ и принялъ, что проповѣдуется во святыхъ Евангеліяхъ и чему мы вѣруемъ, а симъ совершилъ судъ [2]) древняго Адама, наше естество обновилъ и возвратилъ въ первое достоинство; возшедши же на небеса, начатокъ нашего состава [3]) содѣлалъ соучастнымъ престола Отчаго.

Если же нужно пространнѣе изложить о семъ (по причинѣ возникающей ереси и вымышляющей нѣкія суесловія), то мы скажемъ слѣдующее: Богъ по естеству, единородный Сынъ и Слово Бога Отца, рожденный отъ Него прежде вѣковъ неизрѣченно и безсѣменно, не преставъ быть, чѣмъ былъ, Богомъ по естеству, въ послѣднія времена пріялъ естество человѣческое и всецѣло [4]) пріобщился нашей плоти и крови; Слово бо плоть бысть и вселися въ ны; пріялъ же не простую плоть, но одушевленную душею разумною и мыслящею. Онъ тотъ же единъ Сынъ и по воплощеніи, единосущный Богу и Отцу по божеству и единочадный намъ по человѣчеству, сохраняетъ и въ совокупленіи [5]) естествъ свойственныя каждому естественныя различія — ненарушимо и непреложно. — Ибо Слово, будучи совершеннымъ Богомъ,

[1]) Синтіи. [2]) То-есть дѣло спасенія. [3]) Посуди. [4]) Примѣшена. [5]) Искръ.

соединилось съ совершеннымъ человѣкомъ — во единомъ сложномъ тѣлѣ: почему и родившую Его называемъ истинно и точно [1]) Богородицею; потому — что рожденный прежде отъ Отца безъ матери, безначально, потомъ родился второе отъ Матери безъ Отца, не такъ, чтобы божество Его пріяло отъ себя начатокъ, но Онъ, пребывъ, чѣмъ былъ, и пріявъ, чѣмъ не былъ, содѣлалъ то Своимъ. Такъ сталъ Онъ ходатаемъ между Богомъ и человѣками, бывъ общникомъ того и другаго естества, т. е., божескаго и человѣческаго, по совокупленіи ихъ въ едино лице. Ибо, и по совокупленіи обоихъ естествъ во едино, они составляютъ одного Христа Спасителя и Господа: единъ изъ обоихъ произшедшій разумѣется Христосъ по (естеству) разумѣваемому и по видимому. Какъ пребылъ совершеннымъ и неизмѣннымъ по Божеству, такъ былъ совершеннымъ и непреложнымъ по человѣчеству. По Божеству не терпѣлъ Онъ страданій, но по нему творилъ чудеса, — то, что выше естества человѣческаго, — какъ безплотный и нетлѣнный, неограниченный и безсмертный; но принималъ страданія по человѣчеству, какъ воплотившійся, — по сему принималъ страданія человѣческія, бывъ смертенъ и ограниченъ, такъ какъ содѣлавшійся человѣкомъ отъ сѣмени Давидова. Но Слово содѣлало — Своими, страданія Своего тѣла, распятіе и смерть и все прочее, что благоволилъ претерпѣть за насъ, устрояя наше спасеніе [2]). Ибо мы, проданные грѣхомъ, искуплены честною кровію Его; плотію Своею разорилъ Онъ препятствующее прегражденіе [3]) вражды примирилъ съ земнымъ небесное, и устроилъ единую Церковь и соборъ Ангеловъ и человѣковъ, на небеси и на земли. — Вочеловѣчившись, пребылъ Богомъ и въ Божественной славѣ — человѣкомъ: ничѣмъ не менѣе, ибо въ томъ и другомъ случаѣ единъ, вкупѣ Богъ и человѣкъ — Еммануилъ.

«Такъ убо мы въ предѣлахъ благовѣрія стоимъ. — Не раздѣляю въ два сына единаго Господа Іисуса Христа, не полагаю въ Немъ особо и отдѣльно человѣка, — да разорю безумное раздѣленіе Несторія, воздавшаго Христу честь человѣческую [4]); и опять не смѣшиваю и не измѣняю естества, не привожу единаго лица къ тождеству единаго естества, но исповѣдую различныя и нераздѣльныя два естества, сохраняя различіе каждаго изъ нихъ, — да разорю суемудренное смѣшеніе Евтихія, а вмѣстѣ отвергну и послѣдователей Севира, справедливо названныхъ безглавными. Ибо сіи худо смѣшиваютъ, а тотъ (Несторій) нечестиво раздѣляетъ. Въ ученіи о смотрѣніи [5]) Божіи такое же отношеніе Евтихія къ Несторію, какое, въ ученіи о Богѣ, — Савеллія къ Арію. Исповѣдуя же во Христѣ два совершенныя естества и существа, съ тѣмъ вмѣстѣ надлежитъ

---

[1]) Въ рѣсноту. [2]) Смотрѣливно. [3]) Прегражденіе оплотное. Въ нынѣшней слав. Библіи: средостѣніе ограды (Еф. II, 14). [4]) Человѣкочестное раздѣленіе. [5]) Такъ св. Отцы называли тайну воплощенія.

исповѣдывать естественныя ихъ свойства и приличныя каждому хотѣнія и дѣйствія; ибо когда истинно суть два существа, то сугубыя должны быть и сіи (хотѣніе и дѣйствіе). — Какъ Божественное естество хотѣло и дѣйствовало какъ Богъ, такъ и человѣческое хотѣло и дѣйствовало, — въ знаменіяхъ Божіихъ и дѣлахъ человѣческихъ. Впрочемъ одно другому [1]) не было противно; ибо покорялось и повиновалось пріемшее пріятому [2]). — Сообразно различному хотѣнію и дѣйствію, нужно имѣть и существенныя свойства. Ибо по нимъ и распознаемъ мы естества, такъ что въ тѣхъ, кои имѣютъ тѣже дѣйствія, полагаемъ и равныя естества. Такимъ образомъ и дѣйствіемъ Богочеловѣческимъ [3]) изъяснится то житіе, которое провелъ съ нами Христосъ, какъ ясно понимаемое подъ приличнымъ названіемъ и въ двухъ естествахъ показывая и два дѣйствія. Ибо оное разноставное слово заключаетъ въ себѣ значеніе совокупленія, такъ что должно полагать въ каждомъ дѣйствіи общеніе одного (естества) съ другимъ [4]). Не проповѣдую убо одной воли и дѣйствія въ божественномъ совершеніи нашего спасенія [5]), — да не впаду въ недугъ несмысленнаго и неистоваго Аполлинарія и да разорю вмѣстѣ Севирово и Пирово безуміе. — Такимъ образомъ мы славимъ честную и спасительную тайну Божія смотрѣнія, которая пребываетъ и разумѣваемою и неизреченною, сказуемою и недовѣдомою, какъ говоритъ св. Богоносецъ.

«Почитаемъ также и лобызаемъ святые образа и знаменія, въ изображеніяхъ показующія намъ всѣ Евангельскія повѣсти и напоминающія то, что содѣлано для насъ Спасителемъ. Какъ издревле благовѣрно пріяли, сыны сохраняющіе полученное отъ отцевъ, мы творимъ благоговѣйное почитаніе, а не совершаемъ божескаго служенія и поклоненія, да не будетъ того, что подобаетъ единому Богу, Владыкѣ всѣхъ. Ибо всѣ наученные Божіимъ Духомъ видятъ различіе чести, — какую честь и какое поклоненіе прилично воздавать Христу Богу нашему, и какая честь прилична святымъ иконамъ, и что отъ нихъ возносить должно почесть къ первообразу того, коего написано тѣло.

«При семъ почитаю честныя иконы пресвятой и пречистой Владычицы, истинной помощницы нашей и приснодѣвы Богородицы Маріи, безъ сѣмени, неизреченно и выше всякой мысли, родившей по плоти Господа Іисуса Христа, Бога нашего; также святыхъ Ангеловъ, святыхъ и славныхъ Апостоловъ и мучениковъ, и всѣхъ другихъ Святыхъ, угодившихъ Ему отъ вѣка, какъ и Никейскій святый и великій Соборъ благовѣрно и Богоугодно предалъ, и прочіе благовѣрные и вселенскіе Соборы утвердили. Совершаю также и честныя памяти ихъ.

---

[1]) Етеръ къ етеромъ. [2]) Т. е. человѣчество Божеству. [3]) Богомужнои дѣтели. [4]) Въ подл. такъ: сему бо дастъ кто идѣати, которыйждо образъ, съ которымждо общеніемъ. [5]) О Божіемъ смотрѣніи.

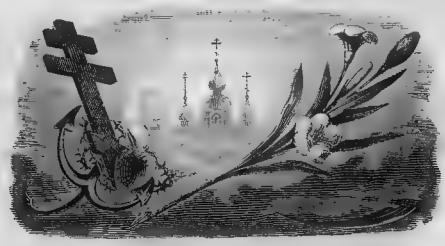
«Тако исповѣдую я свою вѣру, съ Меѳодіемъ, приснымъ братомъ моимъ и поспѣшникомъ въ Божіей службѣ. Въ сей вѣрѣ состоитъ спасеніе и упованіе, и сію предаемъ мы ученикамъ своимъ, да тако вѣруя спасутся; въ страшный же день судный паки предадутъ намъ оную (вѣру), — истинну, неизмѣнну, совершенну, ставши одесную страну предъ Іисусомъ Христомъ Господомъ, истиннымъ Богомъ нашимъ, Коему слава во всѣ вѣки. Аминь.»

ТРОПАРЬ.

Ако апостоловъ единонравніи и словенскихъ странъ оучителіе, кѵріллѐ и меѳодіе богомудріи, владыку всѣхъ молите, вся языки словенскія оутвердити въ православіи и единомысліи, оумирити міръ, и спасти души наша. (Слѹж. Преп. Меѳ. и Кѵр.)

КОНДАКЪ.

Священную двоицу просвѣтителей нашихъ почтимъ, божественныхъ писаній преложеніемъ, источникъ богопознанія намъ источившихъ, изъ него-же даже до днесь неоскудно почерпающе, оублажаемъ васъ, кѵріллѐ и меѳодіе, престолу вышняго предстоящихъ и теплѣ молящихся о душахъ нашихъ. (Слѹж. Преп. Меѳ. и Кѵр.).



Печатано въ типографіи А. Углицкаго, на углу Невскаго и Владимірскаго просп., домъ № 45—1.